

«Палата № 38»: конвейер пыток в Беларуси

Документальное исследование
Международного комитета
по расследованию пыток в Беларуси

Содержание

Введение	03
Методология исследования	05
«Молот ведьм для палачей» – версия: «Беларусь 2020»	07
Виды пыток и методов издевательств	09
Физические пытки	10
Пытки позами	14
Удушение и имитация утопления: пытки без следов	18
Условия содержания как отдельный вид пытки	20
Пытки током, прижигание и химическое воздействие	21
Психологические пытки: страх, унижения, угрозы	23
Сексуализированные пытки: насилие и угрозы сексуализированного характера	27
Пытки лишением воды, еды, сна, гигиены	30
Уникальный вид пыток – «покаянные видео»	32
«Без права на помощь»: отказ в медицинской помощи и принудительное лечение как вид пыток	33
Палата № 38: «Камера смерти» на Володарского	35
Тюремный этап: пытки в системе исполнения наказаний	41
Насилие против уязвимых групп	44
Визуализация пыток: раны на теле и схемы издевательств ...	47
Что остается после пыток	56
Заключение	60
Список дополнительных источников информации	61

Введение

«Они били людей зверски, безнаказанно... Мы стояли всю ночь во дворе. Слышно было, как избивают женщин. Я не понимаю такой жестокости»,

– это слова первых пострадавших, которые вышли из-за ворот минского изолятора временного содержания на Окрестина в августе 2020 года.

Измощенные люди выходили на волю со спинами, покрытыми черно-синими гематомами, разбитыми лицами и поломанными конечностями. Многие едва держались на ногах – некоторых выносили на носилках в кареты скорой помощи. Так Беларусь и весь мир узнали о существовании настоящих «пыточных конвейеров», запущенных режимом Лукашенко ради подавления народных протестов.

Пытки и жестокое обращение с задержанными не были новостью для Беларуси – правление Лукашенко с 1994 года всегда сопровождалось репрессиями против оппонентов. Но после президентских выборов 9 августа 2020 года насилие достигло беспрецедентного масштаба.

Мирные протесты вспыхнули по всей стране, на улицы выходили сотни тысяч людей, требуя честных выборов. В ответ силовые структуры развернули широкомасштабную кампанию террора: только за первые дни протестов было задержано почти 7 000 человек, более 450 случаев пыток и издевательств над задержанными было задокументировано уже к началу сентября.

К середине 2025 года правозащитники задокументировали уже порядка 2 000 свидетельств жертв пыток – цифра огромная для небольшой страны.

Официальный Минск упорно отрицал все обвинения. Лукашенко цинично заявлял:

«Ну зачем их пытаться? Если у кого-то синяки, значит, получили на улице, когда лезли на ОМОН... Никаких пыток не было. Это вы выдумали».

Тем не менее, и белорусские правозащитники, и международные организации – от ООН до ОБСЕ – собрали достаточно доказательств, указывающих на обратное.

Специальный доклад ООН (2023) [зафиксировал](#), что в Беларуси совершаются **«систематические, повсеместные и грубые нарушения прав человека»**, которые могут квалифицироваться как преступления против человечности.

Московский механизм ОБСЕ еще в ноябре 2020-го заключил, что пытки носили «массовый и систематический» характер, однако в Беларуси не возбудили ни одного уголовного дела против силовиков. Наоборот – многие из них были поощрены наградами и повышениями.

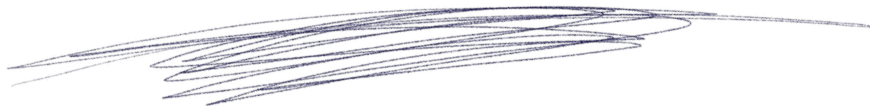
Безнаказанность, которая покрывается режимом, – одна из причин, почему мы проводим это исследование. Наша цель – собрать воедино свидетельства о системных пытках в Беларуси, дать голос пострадавшим, заручиться мнениями экспертов и задокументировать каждый факт настолько тщательно, чтобы он не смог быть стерт или забыт.

В этой работе мы погрузимся в мрачную реальность белорусских изоляторов и тюрем, чтобы правда о пытках прозвучала громко и отчетливо. В первую очередь для тех, кто был

вынужден покинуть родину, а также для всего мирового сообщества.

Прежде, чем вы приступите к изучению материала исследования, мы обязаны предупредить вас о том, что данная работа содержит свидетельства пострадавших, которые могут негативно отразиться на вашем психологическом состоянии, потому как содержат жесткие цитаты, некоторые подробности пыток, а также эмоциональные фрагменты воспоминаний пострадавших. Поэтому не рекомендуем к прочтению данный материал людям младше 16 лет.

Мы сознательно не сглаживаем углы – описанные сцены тяжелы, но именно через правду можно достучаться до общества и международных институтов.

Методология исследования

При подготовке этого исследования мы опирались на разные источники информации и современные методы документирования доказательств пыток:

- **Свидетельства пострадавших.** В основу легли 55 интервью и письменных свидетельств людей, прошедших через задержания после 2020 года. Это бывшие демонстранты, случайные прохожие, активисты оппозиции, журналисты. Большинство из них зафиксированы документаторами [Международного комитета по расследованию пыток в Беларуси](#).

Мы тщательно сопоставили эти свидетельства, отмечая общие черты и расходящиеся детали. Реальные имена некоторых пострадавших изменены из соображений безопасности, однако факты проверены по нескольким источникам. В ряде случаев использованы свидетельства, данные ранее журналистам и правозащитникам, с их согласия.

- **Правозащитные данные и отчеты.** Мы обратились к отчетам международных организаций: доклады ООН (Управления Верховного комиссара по правам человека – OHCHR), ОБСЕ, а также материалы Комитета ООН против пыток. Важную роль сыграли данные белорусских правозащитных инициатив. Также мы использовали информацию из специального экспертного [доклада «Беларусь: скоординированная политика пыток» \(2021\)](#), подготовленного Международным комитетом по расследованию пыток в Беларуси (ICITV) совместно с Международным реабилитационным советом для жертв пыток (IRCT). Учтены ежегодные обзоры ситуации с правами человека и доказательства, собранные журналистскими расследованиями (например, проект Mediazona/Open Demoscasy, получивший утечку данных Следственного комитета РБ о 1 373 пострадавших).
- **Мнения медицинских экспертов.** Важная часть нашего исследования – материалы консилиума с врачами различной специализации. По каждой группе пыток (физические, сексуализированные, психологические) мы привлекали и опрашивали специалистов: травматологов, судебно-медицинских экспертов, психологов и психиатров. Они помогли нам понять и правильно описать характер травм, их возможные долгосрочные последствия для тела и психики. Например, судебно-медицинская экспертиза, проведенная в рамках доклада IRCT, подтвердила наличие у пострадавших специфических травм – переломов, гематом, ожогов от электрошокеров, анальных разрывов – которые напрямую соответствуют заявленным способам пыток. Такие корреляции позволяют нам уверенно говорить, что рассказы потерпевших правдивы, а их травмы – свидетельства преступлений. Психологи и психиатры, работавшие с белорусскими потерпевшими, поделились наблюдениями о симптомах посттравматического стрессового расстройства (ПТСР), депрессий и иных психических проблем у переживших пытки. Их экспертные мнения мы приводим в разделе о последствиях для психики.
- **Юридическая квалификация.** В тексте учитываются определения пыток согласно международному праву (Конвенция ООН против пыток и др.). Мы описываем действия белорусских силовиков именно как пытки и жестокое, бесчеловечное обращение, поскольку они умышленно

причиняют сильную боль и страдания с целью наказания, устрашения или выбивания признаний, что полностью подпадает под определение пытки.

- **Фокус на 2020-2025 годы.** Основной временной охват – период после выборов 2020 года, когда масштабы пыток достигли уровня, невиданного в современной Беларуси. Именно на этих событиях мы концентрируем внимание, освещая их развитие вплоть до настоящего времени – 2025 года.
- **Технологии документирования и визуализации.** Мы использовали современные цифровые инструменты для проверки и представления данных.

Во-первых, это верификация фото- и видеоматериалов: в открытом доступе оказалось немало фотографий с травмами пострадавших (синяки, полосы от дубинок на коже, ссадины), а также аудиозаписи (например, жуткое аудио, где слышны крики пытаемых людей в минском изоляторе, записанная одним из журналистов). Мы убедились в подлинности ключевых материалов, привлекая экспертов по OSINT.

Во-вторых, мы задействовали метод «body-mapping» – карту тела для фиксации травм. Такой подход, применяемый в международной практике (например, в рамках Стамбульского протокола для документирования пыток), наглядно показывает, какие части тела наиболее пострадали в результате пыток. К примеру, мы выяснили, что у большинства из изученных МК случаев были зафиксированы гематомы на ягодицах, бедрах и ногах (результат ударов дубинками снизу), повреждения головы и лица (удары по голове, часто приводившие к сотрясениям) и травмы спины. Мы включили в работу подробное описание типичной картины пыток на теле человека.

- **Этические принципы.** Понимая, насколько травматичен для пострадавших возврат к этим событиям, мы действовали деликатно и конфиденциально. Многие интервью проводились анонимно либо под гарантии, что в публикации не будет личных данных. Часть героев согласились говорить открыто, желая, чтобы мир узнал их историю. Все цитаты приводятся дословно или в максимально близком к оригиналу, без цензуры, поскольку грубость и мат были неотъемлемой частью речи палачей и важны для понимания атмосферы пыток. Наша задача – задокументировать правду во всей полноте, ибо ее замалчивание или смягчение играет на руку тем, кто хочет уйти от ответственности.

Таким образом, методология опирается на свидетельства пострадавших, заключения специалистов и официальные данные.

В следующих разделах мы детально рассмотрим виды пыток, которым подвергали белорусов; проанализируем, как насилие варьировалось в зависимости от пола, возраста и других особенностей жертв, а также предоставим визуальные свидетельства.

«Молот ведьм для палачей».

Версия: «Беларусь-2020»

(01)

Беларусы во время митинга 14 августа 2020 года идут к Дому правительства.
Источник: Василий Федосенко / Reuters

Чтобы понять истоки нынешних методов пыток, важно понимать, что белорусские силовые структуры – прямые наследники советской репрессивной машины. Комитет государственной безопасности (КГБ) Беларуси, в отличие от других постсоветских стран, сохранил не только свое название, но во многом еще и традиции прежнего КГБ СССР. Лукашенко открыто гордился преемственностью с советскими органами госбезопасности, а чекистские практики получили вторую жизнь. Фактически белорусские силовики выросли на «советской школе» пыток – с ее методичками, кадровой преемственностью и идеологией безнаказанного насилия «во имя государства».

Еще в 1990-е - 2000-е годы появились прямые свидетельства существования внутренних учебных материалов по пыткам. Так, бывший сотрудник белорусского КГБ, бежавший в Евросоюз, передал правозащитникам служебную методичку из Института национальной безопасности (академии КГБ), в которой подробно [описывались](#) методы пыток. Позже значительная часть этих секретных «рекомендаций» всплыла в открытом доступе – в 1997 году в Минске вышла книга под названием «Своя разведка» под псевдонимом Романа Ронина. В ней с удивительной откровенностью излагались методы получения информации, включая психологическое давление, шантаж, пытки, сексуализированное насилие и даже убийства. Рецензенты метко окрестили эту книгу «улучшенным изданием „Молота ведьм“ для будущих палачей». Простыми словами, сотрудники открыто показали свои «инструменты» – изощренные технологии пыток и «промывания мозгов». Такие публикации показывают, что белорусские спецслужбы никогда по-настоящему не отказывались от насилия. Наоборот, систематизировали и «совершенствовали» его приемы десятилетиями.

Кроме того, лукашенковская элита силовиков во многом сформировалась под влиянием ветеранов советских органов. Некоторые ключевые фигуры обучались в КГБ СССР или в школах ФСБ РФ. Например, в 2000-е Беларусь активно сотрудничала с ФСБ России по линии «борьбы с терроризмом и экстремизмом», что на практике означало обмен опытом подавления оппозиции. Поэтому нынешние методы белорусского ОМОНа, ГУБОПиКа и КГБ – это и есть смесь старого советского и нынешнего российского «ноу-хау».

Из СССР взяли система наказаний через страх и показательные признания (вспомним сталинские показательные процессы), из современности – тактику подавления протестов, технологии информационной войны и использование криминальных структур для давления в тюрьмах. Беларусь стала своего рода испытательным полигоном, где, как выразилась одна журналистка, «будущие палачи и каратели отработывают способы подавления».

Важно подчеркнуть: пытки в Беларуси – не случайные эксцессы, а преднамеренная политика режима. Независимым экспертам ОБСЕ пришли к [выводу](#), что нарушения прав человека в Беларуси после выборов 2020 года носили «массовый и систематический характер», а [пытки](#) применялись повсеместно и организовано. Более того, в отчете отмечено: жестокое насилие силовиков имело целью наказание, унижение и запугивание общества – чтобы и другим было неповадно протестовать.

Такой масштаб и организация возможны только при участии верхушки режима. Неспроста Александр Лукашенко [благодарил](#) силовиков за «наведение порядка» и давал понять, что жесткость полностью санкционирована. В стране фактически установилась атмосфера полной безнаказанности. Ни один представитель силовых структур до сих пор не понес наказания за пытки. Напротив, многих причастных поощрили званиями, наградами и повышениями.

«Высшее руководство» прикрывает и одобряет самые варварские методы, называя их «адекватным ответом на экстремизм». Все это объясняет, почему в критический момент 2020 года репрессивный маховик закрутился так легко и стремительно. Далее мы рассмотрим, как именно этот маховик работал на разных этапах – от улиц и изоляторов до колоний и информационного пространства.

Виды пыток и издевательств над задержанными в современной Беларуси

(02)

В ночь с 9 на 10 августа 2020 соцсети облетела эта фотография: на земле лежит Евгений Заичкин, рядом, раскинув руки, стоит спецназовец Тимур Гришко в балаклаве. Позже появилось [видео](#). Люди за кадром в это время кричат: «Отпусти». Травмированный ужчина не двигается. Источник: Наталья Федосенко / ТАСС.

Во время и после 2020-го года белорусские силовики применяли к задержанным целый арсенал [пыток](#) – от физических истязаний до тонких психологических манипуляций. Некоторые методы шокируют своей средневековой жестокостью, другие – «тонут» в грузной массе садизма (например, лишение сна или медицинской помощи). Ниже мы подробно разбираем основные категории пыток с акцентом на их применение и последствия. Реальные примеры – свидетельства пострадавших – иллюстрируют каждый из методов.

Физические пытки

Как мы выяснили, для разных видов избиений у карателей есть даже свои названия.

«Бейсбол»

Избиения резиновыми дубинками, битами и пинками – самый распространенный и излюбленный вид пыток у карателей.

«Били всех — мужчин и женщин, подростков и пожилых — сразу при задержании и потом в автозаках и отделениях милиции».

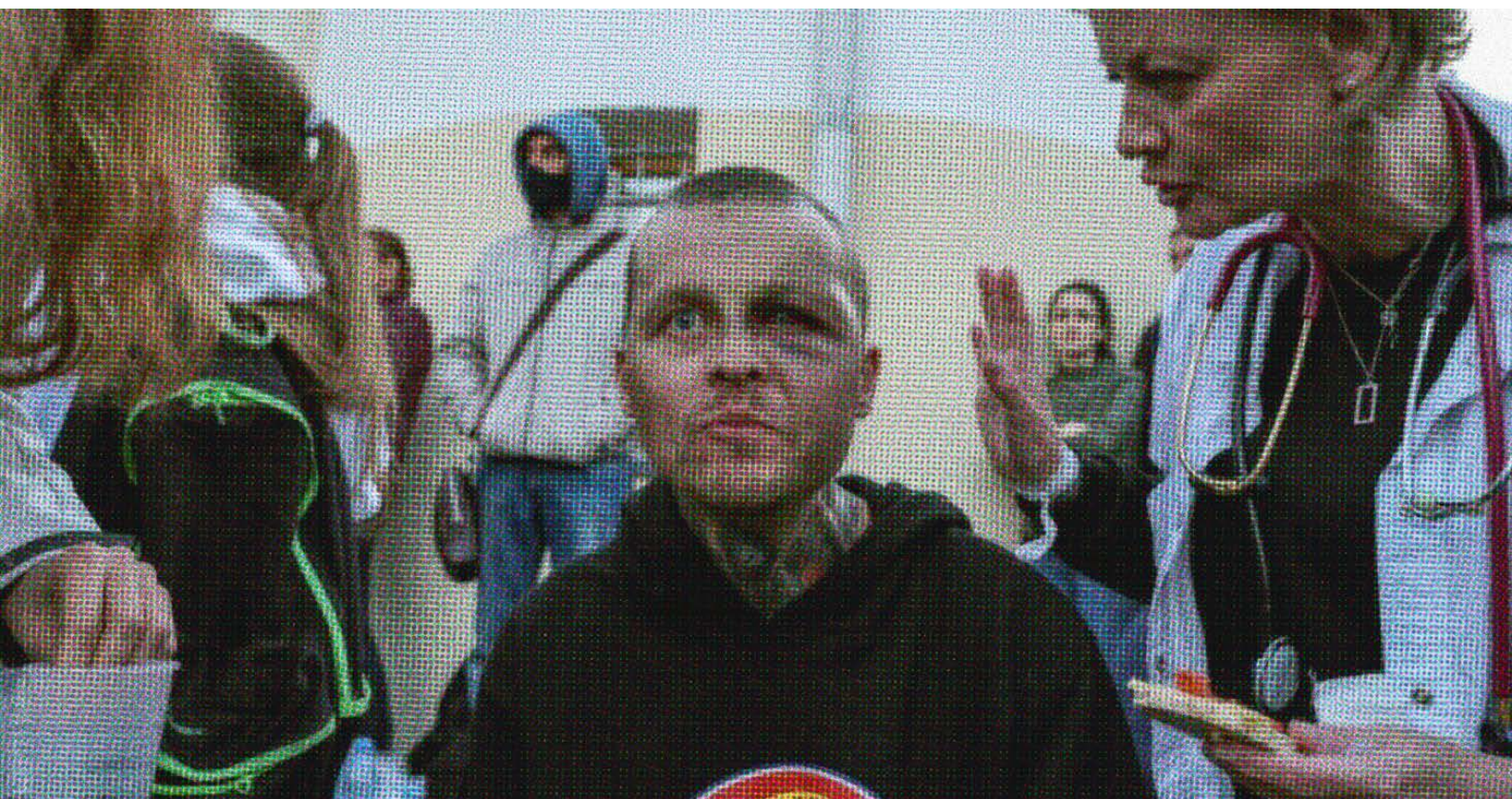
Пострадавшие вспоминают, что их избивали до полного изнеможения.

«Били до тех пор, пока человек не переставал кричать и двигаться. Многие от боли и ужаса мочились под себя. Людей превращали в кровавое месиво».

«Они просто лупили и орали: “Что, сука, перемен захотел?!”».

(03)

В ночь с 13 на 14 августа врач-кардиолог Елена Баранова поехала к изолятору на Окрестина, чтобы оказать помощь вышедшим оттуда участникам протестов. Вскоре после этого на одном из сентябрьских маршей задержали ее сына. Впоследствии медику устроили травлю в соцсетях и уволили после 26 лет сотрудничества с медцентром «Мать и дитя». Источник: Ксения Голубович / Центр новостей ООН.

Тех, кто падал, **били** лежащими. На легендарном фото Reuters, облетевшем мир, запечатлен момент, где двое силовиков в черном волокут полумертвого парня из автозака, а разъяренный омоновец в балаклаве замахивается дубинкой – на земле валяются еще люди, избитые до полу бессознательного состояния.

«Особое их “мастерство” — бить по самым уязвимым местам, причиняя максимум боли и заметных увечий. Били в голову, по лицу — кулаками и дубинками, многим разбили носы, выбили зубы, сломали скулы».

(04)

Участники мирных митингов показывают последствия избиения после задержаний.
Источник: Сергей Гапон / AFP

По ногам и ягодицам били практически всех: люди **выходили** с Окрестина, приспуская штаны и показывая журналистам ягодицы, багрово-черные от кровоподтеков. Именно такие снимки – покалеченные задние части тела – стали одним из символов белорусского протеста.

«Выбить пыль»

Жертву укладывают лицом вниз, после чего по спине начинают наносить удары передней, гладкой частью армейского бронезилята. Удары не оставляют синяков или следов, поскольку распределяются по широкой поверхности, но оказывают мощное давление на внутренние органы. Пострадавшие описывают ощущение, как будто их тело «вжимается внутрь себя», возникает тошнота, головокружение, иногда кратковременная потеря ориентации. Эта пытка оставляет мало внешних следов, но способна вызвать скрытые повреждения.

Пострадавший от рук силовиков Максим Сальников, 34 года. Вышел в магазин за сигаретами и возле подъезда был тяжело избит. Источник:TUT.by

«Обучение»

Задержанного усаживают на стул, после чего сверху по голове и плечам начинают наносить удары тяжелыми книгами – чаще всего Уголовным Кодексом. Иногда удары наносят пластиковой бутылкой, наполненной водой – такая импровизированная дубинка причиняет сильную боль, особенно при ударах по черепу или суставам. Удары не оставляют разрывов кожи, но вызывают сотрясения, гул в ушах, головные боли и страх. Метод активно применяется, поскольку не оставляет заметных следов и может преподноситься как «воспитательная мера».

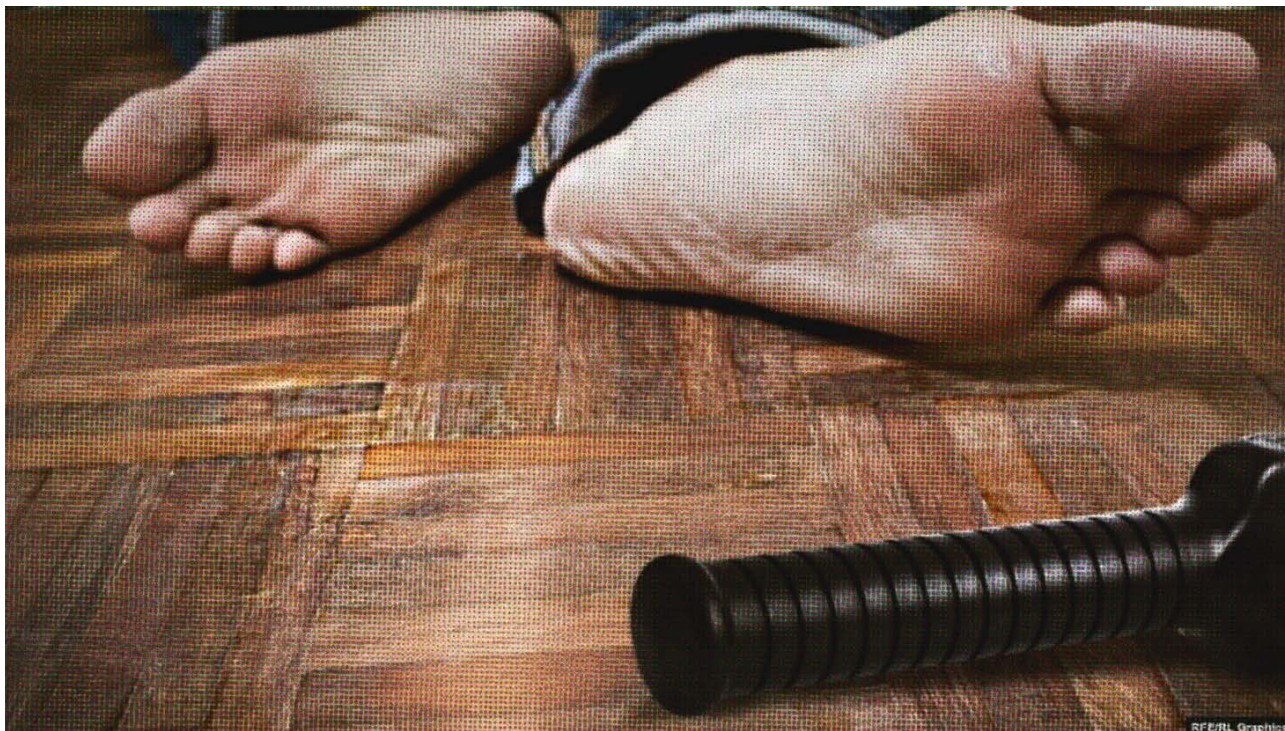
«Профилактика»

Человека насильно укладывают на стол, парту или другую горизонтальную поверхность. Двое или трое сотрудников прижимают его тело и конечности, не давая пошевелиться. Затем один из них начинает наносить серийные удары резиновой дубинкой по пяткам, ахилловым сухожилиям и икроножным мышцам.

«Боль становится невыносимой уже после нескольких ударов — ощущение, что кожа лопается, а ноги отказывают. Иногда жертва не может встать на ноги в течение нескольких дней. Внешне — лишь покраснение или синяки, но внутри — месиво».

(06)

Иллюстративное фото.
Источник: svoboda.org

«Сотряс»

Используется при допросах или сразу после задержания. Сотрудник многократно, резкими движениями, бьет ладонью по затылку жертвы. Такие удары не оставляют синяков, но вызывают кратковременные микросотрясения мозга. У жертвы возникают резкие головные боли, тошнота, мелькание в глазах. Некоторые пострадавшие жалуются на «провалы» в памяти, дезориентацию и нарушение равновесия.

(07)

Медиков к пострадавшим на Окрестина силовики пускали только в самых тяжелых случаях. Судебно-медицинских экспертов к пострадавшим не пускали намеренно, чтобы они не смогли задокументировать повреждения.
Источник: Миша Фридман / Getty Images

«Мешок»

Название пытки происходит от спортивной практики отработки ударов по боксерской груше (мешку). Человека ставят в растяжку и одновременно наносят удары ногами (лоу-кики) по внутренним и внешним частям бедра и кулаками сзади по туловищу в районе внутренних органов (печени, почек, селезенки).

Пытки позами

Задержанных [часами](#) держали в неудобных, болезненных положениях. Например, в автозаках людей валили на пол слоями, лицом вниз, и запрещали шевелиться.

«Нас набили как сельдей в бочке, мы тонули в собственном поту... Дышать было нечем, кто-то начинал задыхаться и биться в эпилепсии».

Машины с задержанными намеренно подолгу не пускали на территорию изоляторов: груженые людьми фургоны часами стояли на солнце, превращаясь в душегубки. Внутри узники лежали друг на друге и задыхались.

«Тех, кто терял сознание, иногда вытаскивали и поливали водой, но потом продолжали избиение».

В камерах и дворах избитых часто заставляли принимать определенные позы, чтобы открыть доступ к болезненным участкам. Например, ложиться плашмя на живот, руки за голову – и дубинки обрушивались на спины и ягодицы.

В первые дни в Минске милиция специально ставила задержанных на колени и била дубинками по почкам и печени – видимо, чтобы вызвать максимальные страдания.

«Спина и бока онемели от боли, я думал — все, почки отказали».

(08)

Кирилл Пискарев. Получил вывих плечевой кости в результате избиений. По словам парня, в отделении милиции его заставляли поднять руки? а когда одна из них не поднималась, то били снова.
Источник: TUT.by

Мужчин иногда заставляли раздеваться догола и стоять «раком», после чего били по ягодицам и промежности.

«Меня и еще одну девушку завели в холл. Там на полу лежали мужчины, лицом вниз, их так много, что телами был покрыт весь пол, как ковром. ОМОНовцы били их дубинками, пинали — мужчины кричали от боли... Других парней выстроили у ворот и заставляли приседать, издеваясь, били тех, кто сбивался с ритма. Нас с подругой втолкнули в здание. В коридоре я увидела еще мужчин — они были *раздеты догола*, стояли на четвереньках (на коленях и локтях), и их просто превращали в кровавое месиво дубинками».

Затем женщин заставили долго стоять на коленях лицом к стене и слушать, как в соседнем зале пытаются мужчин.

«Мы часами слышали их крики и стоны».

Психологический эффект описанного действия – отдельная пытка, о чем будет подробно написано ниже, но и физическое пребывание на коленях на бетонном полу столько времени – это еще и острая боль. У многих затем были стерты кожа и мягкие ткани на коленях до крови.

(09)

Иллюстративное фото.
Источник: TUT.by

«Растяжка»

Это еще один из наиболее часто применяемых методов пыток. Человека ставят лицом к стене, ноги – широко расставлены, руки подняты вверх и упираются в стену костяшками. Лоб и нос также прижаты к холодной поверхности. В этой позе мышцы спины, рук и ног оказываются в состоянии крайнего напряжения.

«Уже через несколько минут начинается дрожь, потом – онемение и адская боль».

Пытка не столько в силе, сколько в невыносимо долгом удержании. Некоторые теряют сознание или падают, что вызывает агрессию охраны.

«Ласточка» (подвешивание)

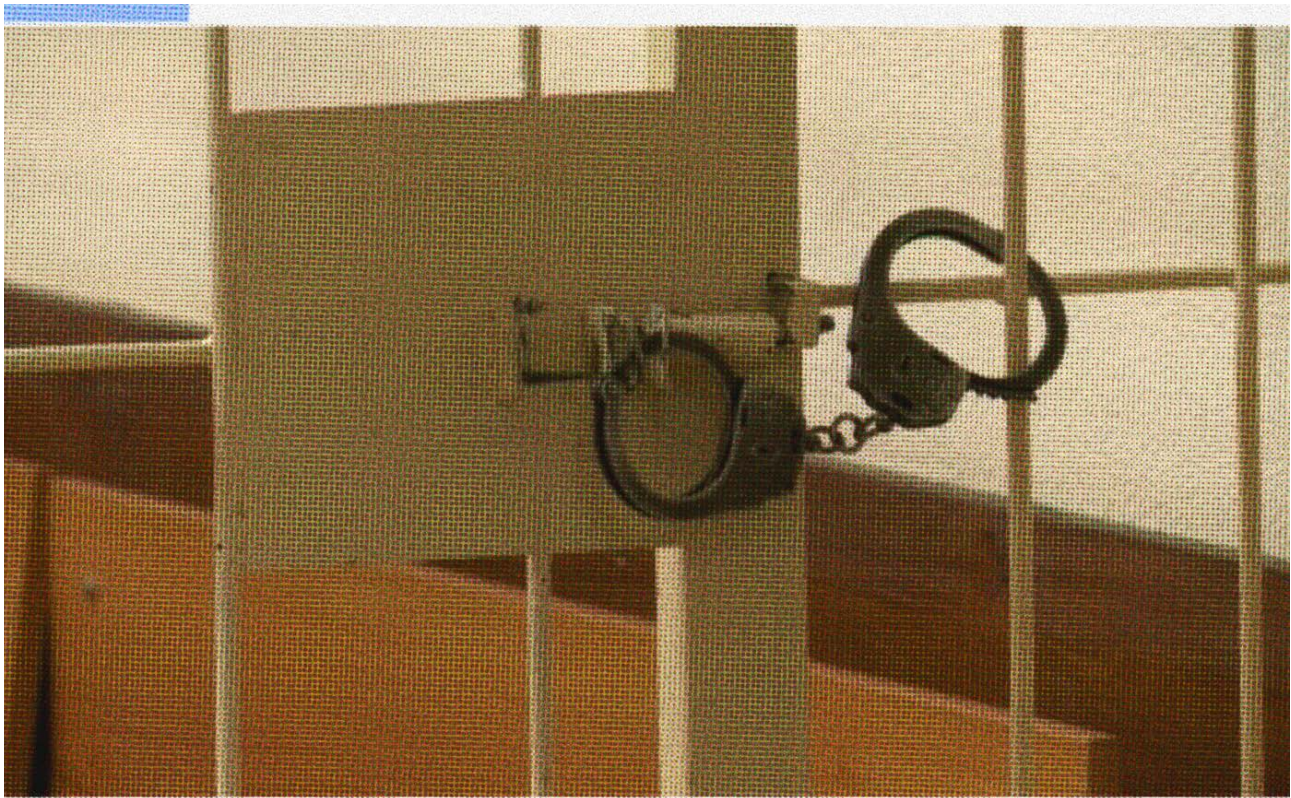
Метод болезненного подвешивания. Руки жертвы связывают за спиной и подвешивают на крюк или выступ – человек остается висеть, едва касаясь пола пальцами ног, или вообще без опоры. Вторая вариация: руки и ноги связывают вместе за спиной, продевают под ними металлическую трубу или палку и подвешивают тело между предметами мебели.

«Вес тела тянет вниз, причиняя невыносимую боль в суставах, растягивая связки. Единственное, чего тебе хочется в этот момент, – чтобы тебя добились».

Длительное подвешивание приводит к нарушению кровотока и опасным повреждениям плечевого пояса.

(10)

Иллюстративное фото.
Источник: TUT.by

Приковывание

Человека приковывают наручниками к батарее, решетке, трубе или стене – иногда на часы, иногда на сутки. Невозможность сменить положение вызывает онемение, боль в суставах, судороги. В холодных помещениях это становится еще одной формой истязания: тело замерзает, конечности деревенеют, начинаются галлюцинации.

Сильное стягивание рук наручниками

Запястья затягивают металлическими наручниками до максимума. Иногда – сразу за спиной. Наручники впиваются в кожу, оставляя следы и ссадины. Затем охранники резко тянут человека за руки, усиливая давление. Пальцы синеют, чувствительность пропадает, появляется ощущение, будто руки отрезают изнутри. Такие действия могут привести к травмам нервов и сосудов, но внешне все выглядит «аккуратно».

«Распятие»

Человека растягивают, фиксируя руки и ноги в максимально разведенном положении. Часто – к решетке, трубе или стене. Используются наручники, веревки, пластиковые стяжки. В этой позе невозможно пошевелиться, мышцы быстро затекают, начинается острое жжение в плечах и тазобедренных суставах. Растяжение иногда сопровождается дополнительными ударами по телу или унижениями.

(11)

В 2020-м году, когда в соцсетях было уже много свидетельств о пытках и жестоком обращении с задержанными Александр Барсуков, который на тот момент занимал должность заместителя главы МВД Беларуси, заявил: «Пыток не было». Источник: belta.by

«Конверт»

Тело человека складывают в невозможную позу. Руки заламывают за спину и скрепляют наручниками, ноги связывают ремнем. Затем через колени и запястья пропускают веревку и стягивают ее до упора. Получается «связка», при которой тело сворачивается в подобие плотного пакета или «конверта». Каждая минута в таком положении – очень сильная боль. Нарушается кровообращение, человек не может дышать глубоко, возможна потеря сознания.

«Парашют».

Несколько человек поднимают жертву за руки и ноги и с силой швыряют на пол. Тело ударяется плашмя, вызывая ушибы, ссадины, сильную боль. Иногда предварительно связывают, чтобы человек не мог сгруппироваться. Как вариант: задержанного поднимают над полом и бросают без предупреждения. После этого его оставляют лежать, не оказывая помощи. Были случаи сломанных ребер и сотрясений мозга.

«Шофер».

Заставляют прислониться к стене, затем – присесть в положение «на корточках», так чтобы бедра были параллельны полу. В руки выдают табурет или стул, который нужно держать на вытянутых руках.

«Через 2-3 минуты все тело покрывается потом, мышцы начинают дрожать, руки опускаются. Начинаешь сползать по стенке — начинают бить».

Удушение и имитация утопления: пытки без следов

«Водолаз»

Человека насильно опускают лицом в ведро или унитаз. Цель этой пытки не столько физическое истязание, сколько демонстративное унижение. Применяется в качестве символического акта подавления человеческого достоинства, особенно в первые часы задержания.

«Слоник»

На голову надевают армейский противогаз с перекрытым клапаном подачи воздуха. Воздух не поступает, человек начинает задыхаться. Процедуру могут повторять многократно – по 10-15 секунд, доводя человека до паники и потери контроля. Вариация данного вида пыток включает также заливание жидкости внутрь противогаза, что усиливает эффект удушья и страха.

«Супермаркет»

Вариант предыдущего метода, но вместо противогаза используют полиэтиленовый пакет. Его плотно натягивают на голову и фиксируют на шее. Прекращение доступа воздуха вызывает удушье, учащенное сердцебиение и панику. Пытка проста в применении, но крайне опасна для здоровья.

«Пылесос»

На голову надевается противогаз с пережатым шлангом. Жертва начинает задыхаться, не имея доступа к свежему воздуху. Внутри противогаза могут вдуть сигаретный дым, что

вызывает удушье и тошноту. Иногда человека заставляют при этом выполнять физические упражнения. Также могут использоваться другие предметы – шапки, тряпки, пластиковые пакеты. Эта пытка считается «удобной» для палачей, так как практически не оставляет внешних следов, но вызывает сильнейшее страдание и потерю сознания.

(12)

Пострадавший в результате избиений и пыток силовиками.
Источник: svoboda.org

«Утопленник»

Имитация утопления. Человека фиксируют на горизонтальной поверхности, лицо накрывают мокрой тканью, после чего начинают лить воду из шланга или ведра в район носа и рта. Дыхательные пути перекрываются, жертва захлебывается. Это вызывает панику и острую нехватку воздуха. Несмотря на кажущуюся «мягкость», метод может привести к летальному исходу при повторении.

«Попить чаю»

В рот насильно вливают горячую жидкость – воду, чай или иную субстанцию. Делается это резко, иногда прямо из чайника. Это приводит к ожогам слизистой оболочки рта, горла и гортани. Возникает угроза удушья, боли, внутреннего кровотечения. Применяется как способ запугивания и физического истязания.

Медицинские последствия таких пыток – тяжелейшие. Как нам рассказали медики, «многим избитым потребовалась срочная госпитализация: в больницах пострадавшим от пыток впоследствии вправляли переломы, зашивали рассеченные головы, а некоторых отправляли в реанимацию».

Серьезные черепно-мозговые травмы получили десятки человек; зафиксированы посттравматические эпилептические припадки (последствие черепно-мозговых травм).

Разрывы внутренних органов привели к внутренним кровотечениям у нескольких человек. Известен случай, когда в Могилеве задержанному разбили селезенку так, что ее потом пришлось удалить. Не менее опасны и долго заживают повреждения почек. Медики сообщили о многочисленных случаях посттравматической почечной недостаточности у протестующих (от сильных ударов дубинками по пояснице у людей начались острые нефропатии). Несколько человек пережили отказ почек и потом месяцы провели на диализе.

Условия содержания как форма пытки

В Беларуси ужасные условия содержания заключенных используются как элемент репрессивного механизма. Политических заключенных отправляют в самые плохие камеры, нередко подсаждают к лицам с алкогольной или наркотической зависимостью и рецидивистам, склонным к агрессии. Цель таких действий – моральное и физическое давление.

«Камеры, рассчитанные на 4-6 человек, забивались 30-40 заключенными. Люди были вынуждены стоять, прижатые друг к другу, без сна, доступа к питьевой воде и туалету. После таких условий многие получали переохлаждение, особенно после многочасового удержания на открытом воздухе на Окрестина – лицом вниз, иногда в мокрой одежде, в крови, облитые водой. Когда камер не хватало, людей бросали не в камеры, а в клетки для служебных собак».

(13)

Люди, ожидающие своих близких у ворот ИВС. Минск, 2020 год.
Источник: Наталья Федосенко / TASS

Пытки током, прижигание и химическое воздействие

«Звонок другу»

Электрошок – одна из самых изощренных форм насилия. Она широко [применяется](#) по двум причинам: во-первых, электротравмы причиняют сильнейшую физическую боль, а во-вторых, практически не оставляют следов. Электрометки могут напоминать царапины или ссадины, а их реальный характер способен определить только эксперт по следам металлизации.

«Они вылили на меня ведро воды, а потом били электрошокером».

Мокрое тело проводит ток сильнее – это усиливает болевые ощущения.

Удары электрошокером наносились по различным частям тела: ноги, руки, кисти, стопы, пальцы, уши, соски, губы, половые органы.

В результате жертва ощущает резкую боль, сокращение мышц, судороги, возможны вывихи суставов. Иногда силовики применяли воду или гели, чтобы усилить токопроводимость и минимизировать следы.

Также были зафиксированы случаи использования полевого телефона – провод наматывали на пальцы, мочки ушей, соски, гениталии, нос или язык. Истязатель вращал ручку устройства, вырабатывая ток. Человек испытывал невыносимую боль.

Зафиксирован случай, когда омоновцы использовали электрошокер на гениталиях мужчины. Врачи позже нашли характерные электрические ожоги на его коже.

Прижигание: сигареты, паяльники, утюги

Хотя термические пытки менее распространены, из-за риска оставления явных следов, они применялись к отдельным задержанным. Чаще всего это прижигания зажигалкой, тушение сигарет о тело и использование кипяtilьников.

Такие следы сложнее скрыть, поэтому прижигания чаще использовались в закрытых или изолированных условиях, вне доступа адвокатов и врачей.

Распыление газа

Широко применялось распыление перцового газа, в том числе внутри ИВС, через вентиляционные шахты или окна камер. Один из свидетелей рассказывает о событиях в ИВС Жодина:

«Мы задыхались, кашляли, глаза выжгло, начали кричать, стучать, а нам в ответ: будете орать — повторим».

Часто газ распылялся через приоткрытые окна камер, особенно при попытке задержанных звать на помощь. Женщины также становились мишенью таких пыток.

«Некоторых женщин обрызгали из газового баллончика прямо в лицо при задержании, издеваясь над их слезами и кашлем».

Примечание: самые распространенные реакции на газ – это непрекращающийся кашель, слезы, жжение глаз, горла, насморк и удушье.

Пытка хлоркой

Вот что рассказал после освобождения бывший политзаключенный Сергей Тихановский:

«Каждое утро, пока я был в штрафном изоляторе, охранники выливали на пол ведро воды с хлоркой и ее приходилось убирать. Это ужасно – глаза слезятся, дышать нечем, все едкое, а ты обязан стоять в этой луже».

Заклученные были вынуждены тут же собирать хлорку тряпками, стоя по щиколотку в едкой жидкости. Такие «уборки» подавались как формальность, но, по сути, представляли собой пытку химическим воздействием:

- постоянное вдыхание паров хлорки приводит к раздражению легких, глаз и кожи;
- нахождение в сырости – к обострению хронических заболеваний и ОРЗ.

Из всего этого можно сделать промежуточный вывод: физические пытки – это скелет чудовищной системы насилия. Но у нее есть и плоть – психологические и сексуализированные издевательства, часто не оставляющие видимых следов, но ломающие человека и калечащие душу. Рассмотрим их далее.

(14)

Сергей Тихановский до и после заключения.
Источнике: NEXTA

Психологические пытки: страх, унижения, угрозы

Пытка страхом

Так называют изощренные формы психологического насилия, которые повсеместно применяются в белорусских изоляторах и колониях. Их цель не только сломить волю, а впечатать в сознание человека чувство страха, подчинения и утраты человеческого достоинства.

«Физическая боль ничто по сравнению с животным ужасом, который там испытываешь. Они реально могут сделать с тобой все. Абсолютно все. И им за это ничего не будет».

Угрозы убийством и расчленением

Почти всем задержанным угрожали расправой – максимально натуралистично.

«Застрелим и закопаем в лесу, никто тебя, сука, не найдет».

Иногда из соседнего кабинета специально доносились крики и звуки избиений – и жертве говорили, что там пытаются его родных. Угрожали изнасилованием женщин и детей.

«Опустить»

Публичное унижение: обливают мочой перед строем осужденных. Это спланированное издевательство и обесчеловечивание.

«Расстрел»

Имитация внесудебной казни: человека с завязанными глазами (или с пакетом на голове, примотанным скотчем) спускают в подвал, ставят на колени, развязывают глаза и несколько раз стреляют над головой. Иногда приставляют пистолет к виску или горлу.

На Окрестина им говорили:

«Можешь орать – стены бетонные, никто не услышит».

Или:

«Один выстрел – и на одного предателя меньше».

Полных называли «жирной свиньей», худых – «дрищами», а татуировки обещали «испортить», выжечь кислотой или «вырезать с куском кожи». Женщин называли мужскими именами, мужчин – женскими, намеренно путая пол и издеваясь.

Люди в Минске с фотографиями людей, избитых сотрудниками МВД за участие в протестах.
Источник: Reuters / В.Федосенко

«Музыкальная шкатулка»

Длительное или круглосуточное лишение сна и отдыха. Для этого, к примеру, включают громкую музыку, лишая человека возможности отдохнуть. Иногда включают гимн Беларуси. Был случай, когда на Окрестина сотрудники ИВС умышленно нашли в интернете и на максимальную громкость включили звуки умирающих котов, которых душат живодеры.

«Это было невыносимо. Одну женщину начало тошнить. Я через пять минут этого ужаса словила паническую атаку. У меня так стало подскочило давление, что даже они испугались и перевели на полдня в одиночку, чтоб я отлежалась».

Принуждение и унижение

Задержанных заставляли петь гимн или проправительственные песни. Ошибка в словах – и начинают избивать.

«Большинство знает только первый куплет... Не успевали вспомнить дальше – и тут же прилетало».

Мужчин интеллигентного вида насильно стригли налысо с комментарием:

«Теперь будешь знать, с какой прической ходить, педик».

Полных называли «жирной свиньей», худых – «дрищами», а татуировки заставляли «перебивать», выжигать кислотой или вырезать целый кусок кожи.

Женщин называли мужскими именами, мужчин – женскими, намеренно путая пол и издеваясь.

Имитация казни

Известны случаи, когда активиста вывозили в лес, заставляли копать себе яму, наставляли автомат – и только в последний момент отменяли «казнь», увозя обратно в город:

«Ну что, обоссался? Не помогли тебе бэчэбэшники?».

В других эпизодах людей ночью выводили во двор, ставили к стене и щелкали затворами со словами:

«Запомните это чувство – теперь оно всегда будет с вами!»

Так человек переживает смерть умом, хотя физически остается жив.

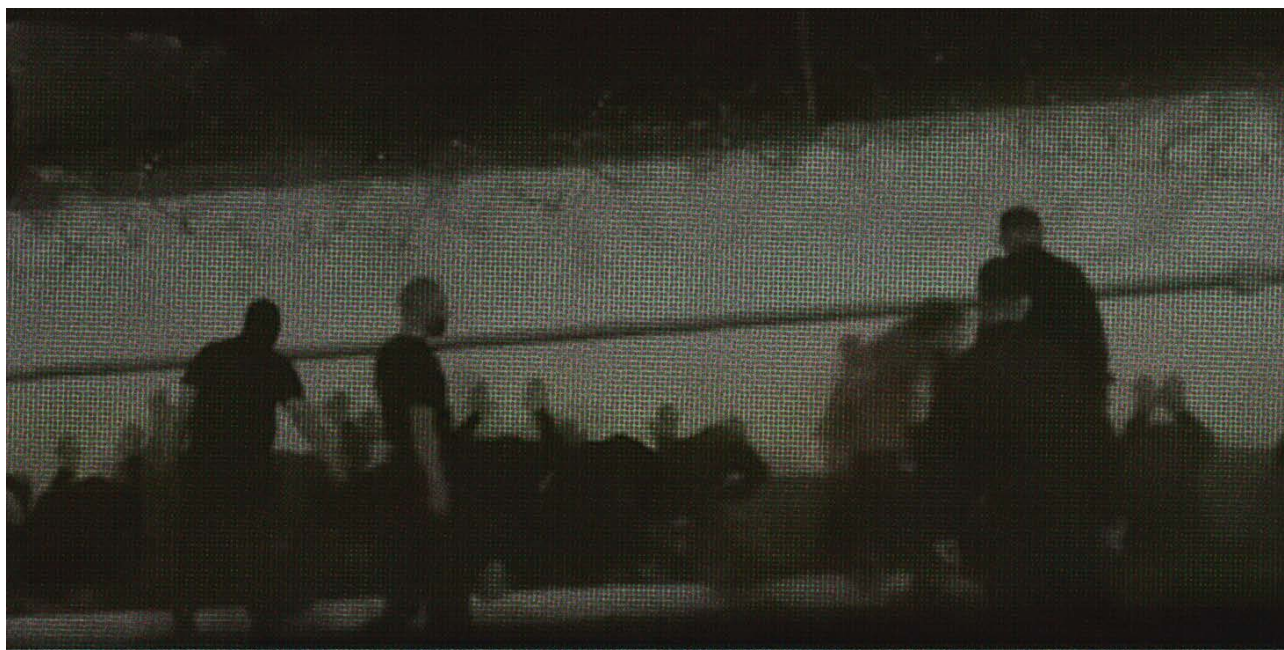
Угрозы родным

«Ушлепков твоих бросим в детдом, жену пустим по кругу, ты тут надолго».

Такие слова пострадавшим говорили хладнокровно, при этом улыбаясь, часто для правдивости рассказывали, какой дорогой в школу ходят дети, какие болезни у их родителей, что с каждым из них может случиться... И все это – чтобы вселить животный страх, превратить человека в беспомощное и «послушное» существо.

(16)

Кадры избиения задержанных протестующих силовиками во дворе изолятора на Окрестина.
Источник: скрин с видеозаписи.

Принудительное наблюдение пыток других

Мощнейший психологический удар. Мы уже приводили пример, как женщин заставили слушать истязания мужчин на Окрестина. Также есть свидетельства, как одних задержанных заставляли смотреть на избиения других.

Например, в Жодино молодых парней выстраивали и на их глазах жестоко избивали пожилого мужчину, говоря:

«Вот, что будет с каждым из вас».

В других случаях сам вид окровавленных соседей по камере, стоны и [крики](#) вокруг – в закрытом пространстве изолятора – создавали атмосферу постоянного ужаса.

Психологи отмечают, что подобное истощение страхом приводит к развитию тяжелых неврозов: у людей потом надолго остаются навязчивые флешбэки (воспоминания) о тех криках, они мучаются бессонницей, раздражительны, боятся громких звуков.

Тотальное обесчеловечивание

«Вы не люди. Вы говно. Вы скот».

Такие фразы сопровождали каждый этап: от задержания до изолятора. Некоторых заставляли повторять вслух:

«Я свинья. Я заслужил, чтобы меня били».

«Лукашенко мой президент. Я был неправ».

Изоляция и дезориентация

Еще один психологический прием – держать людей в информационном вакууме и постоянной неопределенности. Задержанных сутками, а порой и месяцами не информируют об их статусе, не говорят, когда выпустят, не дают связаться с родными или адвокатом. Многие после ареста пропали на несколько дней, родные бегали по больницам и моргам, не зная, жив человек или нет.

«В некоторых камерах нарочно распространяли слухи: например, что кого-то убили. Психика в шоке хваталась за любую информацию, паника нарастала еще больше».

«Злой и добрый полицейский»

Допросы проводят так, чтобы максимально запугать: человека внезапно выдергивают из камеры глубокой ночью, ведут с мешком на голове по коридорам, сажают одного в темной комнате и несколько часов допрашивают грубым тоном, угрожая дать большой срок. Иногда применяют прием «доброе и злое полицейского»: сначала влетает орущий следователь, бьет пару раз, пугает, уходит; потом приходит «добрый», дает воды и просит по-хорошему подписать признание. Многие в таком состоянии подписывали что угодно.

Сексуализированные пытки: насилие и угрозы сексуализированного характера

Предупреждение: данный раздел содержит тяжелые описания сексуального насилия.

С первых дней репрессий в 2020 году появились свидетельства о пытках сексуализированного характера. Хотя властями все отрицалось, правозащитники задокументировали эти ужасающие случаи. Сексуализированное насилие применялось как к мужчинам, так и к женщинам. Цель таких пыток – сломать человека через посягательство на его половую неприкосновенность и достоинство, вызвать сильнейший стыд и травму.

(17)

У правозащитников есть данные и доказательства сексуализированного насилия, в том числе милицейской дубинкой, в отношении митингующих.
Источник: currenttime.tv

Изнасилование дубинкой

Самый страшный эпизод, подтвержденный многими источниками, произошел в Минске 11 августа 2020 года. Молодой мужчина, назовем его Алексей (имя изменено), был задержан и доставлен в РУВД Заводского района. Там его жестоко избили. Когда он, залитый кровью, попросил вызвать врача, ему ответили отказом. Более того: милиционеры совершили над ним групповое надругательство – изнасиловали резиновой дубинкой. Алексей потерял сознание от боли.

Очнувшись, он снова молил о помощи, но над ним лишь смеялись. Только спустя более 30 часов, уже на Окрестина, его осмотрел врач и вызвал скорую – парня экстренно отправили в больницу. Диагноз, попавший к правозащитникам: «разрыв прямой кишки, обширные гематомы аноректальной области».

Этот случай стал известен международной общественности. Затем выяснилось, что Алексей – [не единственная жертва](#). Еще минимум трое мужчин рассказали (анонимно) правозащитникам аналогичные истории: их насильовали дубинками или угрозой этого вынуждали к «признаниям». В одной из камер на Окрестина охранники угрожали:

«Будете кричать – вот эту дубину вам в жопу засунем».

Женщинам в той камере стало плохо от ужаса. Мужчин же в некоторых случаях не только пугали, но и делали – по крайней мере, двое впоследствии нуждались в серьезной проктологической помощи (травмы заднего прохода). Это пытка, делающая жертву инвалидом и оставляющая глубочайшую психологическую рану.

Сексуализированные угрозы и домогательства

Женщины столкнулись с особыми издевательствами. Угроза изнасилованием была почти повсеместной. Практически каждая задержанная свидетельствует, что ей либо лично угрожали сексуализированной расправой, либо она слышала крики и угрозы в свой адрес.

«Вас, блядей, сейчас всех поймеем в камере, уж поверьте».

На Окрестина женщину, которая громко требовала вызвать врача для раненых, выволокли из камеры, приставили дубинку к паху и сказали:

«Заткнешься или это окажется внутри тебя».

Девушка в ужасе замолчала и потом долго рыдала.

Другим приказывали раздеться догола «для досмотра» в присутствии мужского персонала, специально унижая. Одна молодая женщина рассказывала:

«Сказали раздеться и заставили приседать перед ржущими ОМОНовцами — якобы для проверки, не спрятала ли я что-то во влагалище. При этом отпускали грязные шутки».

Для многих женщин самым тяжелым испытанием стали именно эти сексуализированные унижения.

18-летняя студентка после 15 суток задержания призналась:

«Били, да. Но самое мерзкое... Он (охранник) лапал меня, тискал грудь, когда “обыскивал”. Мне хотелось умереть».

Женщин, особенно молодых, постоянно пытались запугать изнасилованием:

«Разденем и всех пустим по кругу».

«Дубинку засунем — и кончишь сразу, тварь».

Мужчин также пугали изнасилованием, особенно тех, кого считали «неформалами» или гомосексуалами:

«Сейчас тебе сделаем, что ты у нас бабой станешь».

«В какой-то момент я молил только об одном: лучше бы убили, чем вот это...», – писал потом один молодой человек о минуте, когда над ним нависли с дубинкой и грязным смехом.

(18)

Женщины на акции протеста на проспекте Победителей в Минске, 2020.
Источник: Ольга Шукайло/Tut.by

Изнасилование женщин и принуждение к сексу

Официально белорусские власти заявляют, что «ни одного заявления об изнасилованиях не поступало», косвенные свидетельства есть. В женских камерах обсуждали судьбу девушки, которую унесли вечером из камеры и она не вернулась до утра – все были уверены, что ее изнасиловали сотрудники. Позже она вернулась в истерике, но молчала.

Другой [случай](#): журналистку (имя не разглашается) угрожая оружием заставили сделать минет офицеру – эту ужасающую историю она рассказала, уже будучи в эмиграции, попросив не раскрывать деталей.

Известно, что после августа 2020 к гинекологам обращались несколько женщин с травмами, характерными для сексуализированного насилия – однако ни одна не дала официального хода делу, боясь огласки и мести.

Насилие в отношении представителей ЛГБТК+ сообщества

Особо уязвимой группой стали [представители](#) ЛГБТК+ персоны. В условиях общей гомофобии силовики использовали гендерную идентичность реальную или приписываемую как [повод для пыток](#). Гомофобные оскорбления («пидор», «из тебя сейчас педика сделаем» и т.д.) сыпались и на гетеросексуальных, если мужчина выглядел «женоподобно» по их мнению.

Медики подчеркивают: последствия сексуализированных пыток – самые тяжелые. В физическом плане пострадавшие мужчины получили травмы прямой кишки, мочеполовой системы; одна жертва мужчины позже перенесла колостомию (выведение части кишечника наружу) из-за гнойных осложнений после изнасилования дубинкой.

У женщин – повреждения половых органов, инфекции (как минимум одна сообщила о посттравматическом воспалении, повлекшем угрозу бесплодия). Но главное – психологическая травма: чувство оскверненности, стыда, депрессия, потеря сексуальной функции. Многие жертвы сексуализированного насилия склонны к суицидальным мыслям, им требуется долгая реабилитация с психотерапевтом. К сожалению, в условиях карательной системы Беларуси ни один виновный в этих преступлениях не понес наказания. Более того, официальные лица делали вид, что ничего такого не было, называя рассказы «вбросами». Но факты говорят об обратном – и наша задача их озвучить.

Пытки лишением воды, еды, сна, гигиены

Помимо прямого насилия, силовые структуры применяли и пытки депривацией – то есть умышленное лишение базовых человеческих потребностей: сна, пищи, воды, санитарии, свежего воздуха.

«Молодые ребята плакали и умоляли дать хотя бы глоток воды».

Эти методы часто расцениваются как бескровные, однако по международному праву тоже квалифицируются как жестокое, бесчеловечное обращение, а в ряде случаев – как пытка (если применяется умышленно для давления). В белорусских изоляторах после 2020 года условия содержания задержанных были настолько ужасающими, что сами по себе могли сломать человека физически и морально.

Практически все задержанные в августе 2020 сообщали, что сутками оставались без воды и еды. На Окрестина людей держали в камерах по 30-50 человек, воды не давали вовсе первые сутки, затем могли принести 2-литровую баклажку на всех – то есть по глотку на человека.

Вода из-под крана была техническая, ржавая, многие боялись ее пить.

«Я боялась отравиться и двое суток фактически ничего не пила».

В результате у людей развивалось обезвоживание: головокружение, слабость, некоторые теряли сознание. Еду выдавали так же скудно: кусочек черствого хлеба на день – и все. Некоторые камеры и этого не получали. Задержанные на трое суток рассказывали, что все время мучились от жажды и голода.

«В Жодино мы пили воду из бачка туалета, потому что больше не было никакой. Позже, когда задержанных стали сажать по 10-15 суток, ситуацию чуть улучшили – хотя бы давали кипяток и даже какую-то баланду. При этом нарочно готовили еду отвратительной или не съедобной, зная, что передачи от родных нам не отдадут».

Некоторые худели на 10-15 кг за несколько месяцев. Голод и жажда – древнейший способ подавления воли, и белорусская система воспользовалась им.

Уже упоминалось, что на Окрестина людей держали на ногах всю ночь во дворе. В камерах по 50 человек не было места даже сесть, люди стояли сутками. Новоприбывших 12 августа женщин запихнули в переполненную камеру, где уже было 21 человек, а потом добавили еще 30 – итого 51 женщина в помещении на 4 койки.

«Мы стояли столбиками всю ночь, лишь изредка удавалось прислониться к стене и прикорнуть на минуту».

Такое практиковалось повсеместно. В мужских камерах бывало под 70-80 человек. Лишение сна усугублялось постоянным светом или шумом. В Многие будили нарочно: заходили «проверить наличие» в 3 часа ночи, перекличка – потом снова через час и т.д. Это ломает нервную систему. Заключенные выходили с дрожащими руками, дергающимися веками – типичные признаки тяжелой недосыпа.

Раненым людям не позволяли умыться, обработать раны:

«Мы лежали в луже из крови и фекалий».

Унитазы в камерах часто были намеренно отключены или забиты. На 50 человек – «дырка» без перегородки, которая не смывается.

«Людей с ранами водили, и их кровь капала, не убирала. Вонь стояла адская – смесь пота, мочи, кала, крови, хлорки. Мыть не давали: ни душа, ни умывания. Женщины, которые были задержаны во время месячных, страдали особенно – им не давали гигиенические средства, в результате одежда была перепачкана кровью, что лишь вызывало новые издевки».

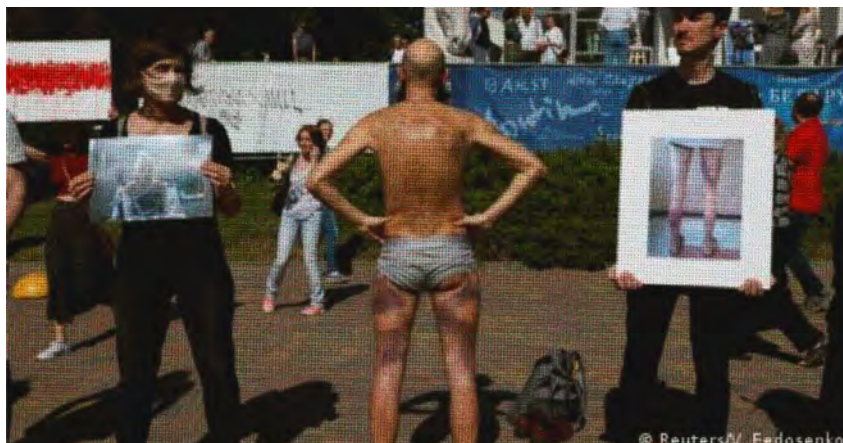
«Они забирают даже воздух»,

– так эмоционально описала условия одна из заключенных: «В камере не было воздуха вообще, дышать нечем. Батареи жарят, форточка наглухо закрыта...»

Свежий воздух – тоже базовая потребность. Задержанных держали в душных клетках без вентиляции при +30 на улице, люди падали в обморок от духоты. Или наоборот – зимой держали целый день во внутреннем дворе на морозе, без движения, периодически обливая водой.

(19)

Мужчина, отпущенный из СИЗО в Минске, показывает следы от побоев.
Источник: Reuters

Такой случай описывали бывшие арестанты из Мозыря:

«Нас часа три продержали во дворе на коленях – был мороз, мы окоченели, потом только загнали в относительно теплое помещение».

Все эти лишения: воды, еды, сна, тепла, гигиены – комбинировались и усиливали друг друга. Человек в физической боли от побоев испытывал еще и сушь во рту, головокружение от голода, жжение от своей мочи на коже, желание спать до галлюцинаций. Силовики добивались полного подчинения – и многого добились.

«Молодые крепкие ребята плакали и умоляли просто дать глоток воды, уже не думая ни о каких протестах».

Уникальный вид пыток – «покаянные видео»

Новый вид пыток, который придумали в Беларуси после выборов 2020 года – «покаянные видео». Уникальный для Европы феномен, который сочетает пытку и пропаганду.

Покаянное видео - это когда задержанного по политическим мотивам человека заставляют на камеру «раскаиваться» в своих оппозиционных взглядах или проступках и просить прощения.

Десятки таких видео режим выложил в сеть: избитые люди, глядя в камеру, монотонно «каются» в том, что хотели устроить беспорядки или работали на Польшу.

Одного из пострадавших, заставили записать такое видеообращение к коллегам:

«Не выходите на протесты, нас тут хорошо кормят, все нормально».

Перед этим его избивали десять часов и угрожали:

«Скажешь что-то не то – вернешься и начнем сначала».

Это же видео потом показали по гостВ. Для мужчины это стало страшным унижением – друзья и близкие увидели его сломанным.

Правозащитники квалифицируют «покаянные видео» как форму психологической пытки и издевательства над человеческим достоинством.

Ключевой признак – отсутствие добровольности: фактически человека шантажом заставляют публично отказаться от своих убеждений и унизиться.

Во время записи «покаянного» видео человека заставляют говорить заученный текст. Часто человек называет свои личные данные, место работы и даже зарплату, чтобы идентификация была публичной. Его могут представить «экстремистом» или «преступником». Общий посыл всех видео одинаков: «я был неправ, я обманут, прошу прощения у народа и у государства».

Это явное нарушение и Конституции РБ (никто не должен давать показания против себя под принуждением), и Международного пакта о гражданских и политических правах, особенно принципа презумпции невиновности (людей выставляют преступниками без

суда).

Фактически, Беларусь встала в один ряд с Китаем, Ираном, Вьетнамом, где подобные forced confessions давно стали частью репрессивного инструментария.

Организацией покаянных видео в Беларуси заведуют сами силовые структуры. Недавно был обнародован документ, согласно которому администраторами крупнейшего канала с такими видео являются сотрудники МВД. То есть государство официально вовлечено в производство «реалити-пыток».

Почему люди соглашались на запись таких видео? Многим задержанным прямо говорили: «снимаешься – отпустим». И действительно, некоторых после видео быстро освобождали (по административному аресту или меняли меру пресечения).

Многие из тех, кто записал «покаяние» и потом уехал, признавались, что им было невыносимо видеть себя в таком виде. Некоторые впадали в депрессию. Фактически, у этих видео две жертвы: конкретный человек, которого унизили, и общество, которому показали пример унижения.

В конце 2023-2024 гг. стали практиковаться «покаянные интервью» в эфире гостВ, куда уже приводили политзаключенных или вышедших на условную свободу бывших политзаключенных, и те на камеру под наблюдением «журналистов»-чекистов повторяют мантры о своем исправлении. Это новая фаза – легализация пытки. Вероятно, режим рассчитывает нормализовать практику, представить ее как «перевоспитание».

Также в последние годы власти стали применять целенаправленные унижения, бьющие по самым уязвимым местам человека. Например, в 2023-м на «покаянных видео» начали вытаскивать на публичный позор интимные подробности жизни задержанных: геев заставляли открыто говорить о своей ориентации и называть партнеров, людей с психическими заболеваниями – оглашать свои диагнозы. Некоторым задержанным в роликах клеили на лоб наклейки с бело-красно-белым флагом (символ оппозиции), как клеймо позора. У женщин демонстративно показывали личные секс-игрушки, найденные при обыске, чтобы вызвать травлю и насмешки.

Нужно отметить и социальные последствия для пострадавших. Режим старался их маргинализировать: многих уволили с работы, отчислили из университетов, изгнали из спортивных команд и т.д. Фактически, пострадавшие от пыток оказались двойне наказанными: сначала их избили, потом лишили места в социуме. Неудивительно, что подавляющее число тех, кто прошел через пытки и имел возможность уехать, покинули Беларусь.

«Без права на помощь»: отказ в медицинской помощи и принудительное лечение как вид пыток

Отсутствие медицинской помощи можно тоже считать депривацией – лишением права на лечение. Этот аспект настолько важен, что мы рассмотрим его отдельно.

Отказ в медицинской помощи раненым

Международные нормы (в т.ч. правила Нельсона Манделы) требуют немедленного медосмотра заключенного при поступлении и лечения всех травм. В Беларуси же сделали наоборот: почти всем пострадавшим отказали во врачебной помощи намеренно.

«Я кричал, что у меня сломана рука – в ответ: “Потерпишь, не здохнешь”».

Другого задержанного с переломом руки охранники Окрестина игнорировали, хотя он показывал раздутую руку и просил хотя бы обезболить. Его сокамерники умоляли вызвать скорую – им пригрозили за это карцером.

Милиционеры цинично отбирали у задержанных личные лекарства (инсулин, ингаляторы, валидол) и не возвращали, пока человеку не становилось реально плохо. Медицинскую помощь вызывали редко: только когда заключенный уже терял сознание. Этот умышленный отказ – форма пытки, ибо усиливает страдания. Многие описывают, что страдали больше от того, что не получали помощи, чем от самих травм.

«У меня жутко болела голова после удара. Я думала, что умру от кровоизлияния. Просила лед или таблетку – ничего».

Диабетикам не давали инсулин, гипертоникам – таблетки от давления, астматикам – ингаляторы. Это ставило под угрозу их жизнь.

«Один диабетик упал в диабетическую кому на глазах у других задержанных, когда ему более суток не давали инсулин. Только тогда прибежали медики – но даже тут случайно: другому звонили скорую, а про диабетика забыли, пока он не посинел. По сути, создавались условия, где хронически больной мог умереть – и это было на совести тюремщиков».

Отказ в медицинской помощи как способ давления в колонии

Пожалуй, самый трагический пример данного вида пыток – смерть художника Алеся Пушкина. По сообщениям коллег, ему не оказывали надлежащей помощи – тянули до последнего, пока язва не пробила стенку желудка. Он умер в реанимации.

Правозащитники прямо называли это умышленным лишением медицинской помощи, то есть пыткой, приведшей к смерти. Политзаключенный Эдуард Бабарико (сын оппозиционного кандидата) из тюрьмы через письма сообщал, что его лишают очков (он близорук, без очков почти не видит) – для него это пытка жить в размытой реальности 24/7.

Принудительное лечение

Были ситуации, когда человека насильно «лечили» там, где он не просил – например, кололи психотропы, чтобы он был спокойнее (такие жалобы звучали от экс-политзаключенных: мол, «давали какие-то таблетки без объяснений».

Были случаи, когда власть пыталась выставить протестующих сумасшедшими. Некоторых политзаключенных принудительно отправляли в психиатрические клиники после пыток, мотивируя это их «неадекватностью». Там их могли пичкать успокоительными препаратами против воли – по сути, химическая пытка.

«Одному парню из Гродно, кричавшему после пыток (у него

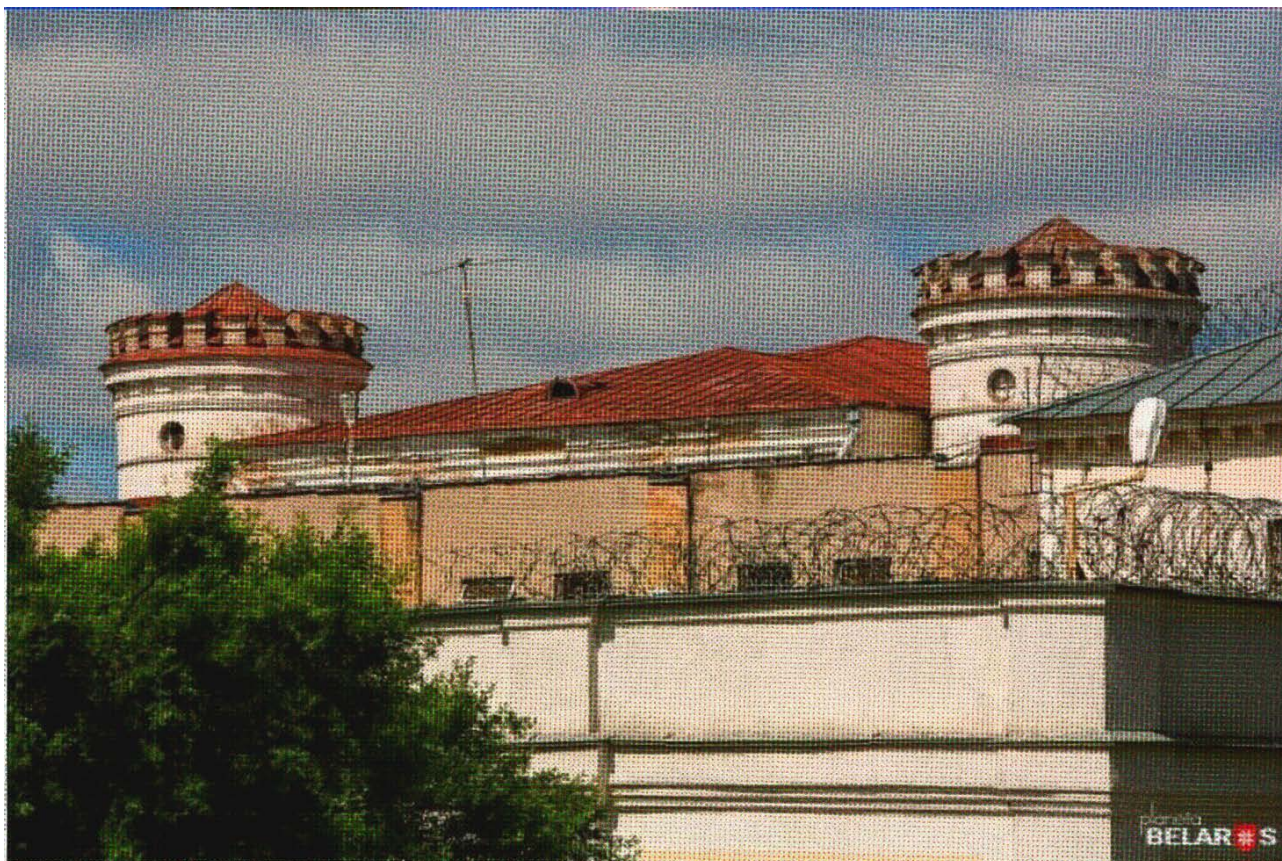
была истерика), вкололи нейролептик, от которого он впал в ступор на несколько дней».

Такие вещи сложно задокументировать, но, по данным медиков и свидетельствам бывших политзаключенных, они имели место.

(20)

Бывшее здание СИЗО №1 в Минске.

Источник: Сергей Плыткевич / planetabelarus.by

Палата № 38: «Камера смерти» на Володарского

Один из наших свидетелей провел полгода в камере № 38 медчасти уже бывшего СИЗО-1 Минска (ул. Володарского). Сейчас здание уже не функционирует. Фактически это «камера смерти», где тяжело больных заключенных оставляли умирать в мучениях.

Показания этого пострадавшего уникальны и прозвучат впервые. Их удалось зафиксировать документаторам Международного комитета по расследованию пыток в Беларуси. В данном исследовании мы решаемся опубликовать их в максимальном объеме. Примечание: текст, размещенный ниже, лучше не читать чрезмерно впечатлительным людям во избежание травматизации.

Конвейер смерти

По словам свидетеля, большинство его соседей по камере № 38 были онкобольными, и практически никого из них не пытались реально вылечить. Из 8 заключенных шестеро страдали раком, но лишь единиц из них изредка вывозили на лечебные процедуры. Остальным же никакой терапии не проводили.

«Их опухоли беспрепятственно прогрессировали до финальных стадий, и через некоторое время эти люди просто умирали. Осужденным с раком намеренно затягивали оказание помощи, фактически дожидаясь, пока болезнь достигнет неизлечимой 4-й стадии. Один из врачей ему сказал: «У тебя уже четвертая стадия рака, смысла что-либо делать нет – билет в один конец», после чего ему лишь кололи обезболивающее и ждали скорой смерти».

Любые попытки самих заключенных добиваться лечения жестоко пресекались. Свидетель рассказал, что смельчаки, писавшие жалобы через адвокатов с требованием ускорить лечение, на следующий же день получали «ответ»: им приносили пакет с вещами и этапным поездом отправляли обратно в колонию. То есть тяжелобольного просто выдворяли из «больницы», даже не начав лечить. Понятно, что назад в колонию он уезжал без всякой помощи – и пока такой заключенный заново добьется этапирования в Минск, его болезнь разовьется до необратимой стадии.

«Итог циничен: те, кто молча терпел, просто тихо угасали в тюремной палате, а те, кто пытался отстаивать свои права на лечение, умирали уже в колонии».

За шесть месяцев, проведенных в этой «больнице», мужчина ежедневно наблюдал грубейшие нарушения прав человека. Он вспоминает, что каждый день там происходило столько ужасающего, что впору было вести дневник, «но таких дневников из колонии никто не выпускает, их забирают». Прямо на глазах у него один за другим угасали люди.

«Не менее пяти заключенных умерли в той палате за полгода. Это были обычные осужденные, отбывавшие сроки за уголовные преступления, но тяжелые болезни превратили их в обреченных».

Картина смерти в этой камере пыток вызывает ассоциации с концлагерем. Свидетель рассказывает, что новые поступившие держались относительно бодро – общались, играли в шашки или нарды. Но без лечения их состояние неуклонно ухудшалось. Заключенные таяли на глазах: стремительно теряли вес, их тела усыхали до состояния скелета, обтянутого кожей.

Одновременно начала страдать психика: прогрессирующая болезнь и интоксикация организма приводили к потере памяти и рассудка.

«Человек мог еще вчера блестяще играть в шашки, а сегодня уже забывает недавние события. Затем провалы в памяти доходят до минут и секунд: спрашивает о чем-то – и через 30 секунд снова задает тот же вопрос. Наступает состояние, похожее на деменцию: человек теряет способность ориентироваться, перестает отдавать отчет своим действиям.

Дальше – больше. Начинаются галлюцинации и бред, поведение становится непредсказуемым и опасным».

Мужчина вспоминает, как некоторые тяжелобольные теряли контроль над

физиологическими потребностями:

«Он уже просто лежит и делает все под себя. Один заключенный в приступе помутнения сознания перепутал парашу с кормушкой (окошком в двери для передачи еды – прим. ред.) и пытался справлять нужду прямо в кормушку, не сознавая, что творит. Другой больной, по фамилии Книга, дошел до такого слабоумия, что заварил себе «Доширак» вперемешку со всеми таблетками, какие накопил, а вместо ложки взял бритвенный станок – думал, что это вилка – и пытался есть эту жуткую смесь лапши с лекарствами».

Все эти сцены – реальность последних стадий мучительной болезни за решеткой.

«Конец всегда одинаков: узник полностью теряет подвижность, перестает вставать с койки, лежит, бессильно испражняясь под себя, пока организм окончательно не откажет. Дальше – смерть».

Администрация изолятора даже распорядок смерти поставила «на поток». Чтобы остальные не видели предсмертных мук, умирающих заключенных переводили в отдельную палату интенсивной терапии (камера № 33) – по сути, предсмертный изолятор.

Свидетель сравнивает 38-ю и 33-ю камеры так:

«Первая – для тяжелых, но еще живых, вторая – для тех, кому «буквально вот-вот умирать». В 33-ю отправляли человека за день-два до смерти, чтобы он не испустил дух перед соседом по шконке».

В самом коридоре тюремной больницы лишь 33-я камера имела большие окна без мелкой решетки («ресничек») – сквозь крупные прутья хоть как-то видно улицу.

Заключенные 38-й камеры могли наблюдать мрачный ритуал: стоило кого-то из «раковых» перевести в 33-ю, через пару дней начиналось суетливое движение – бегали сотрудники, кто-то звонил по телефону... К вечеру приезжала бригада Следственного комитета,

(21)

Иллюстративное фото.
Источник: picture-alliance

составляла акт – и становилось ясно, что человек умер. После этого появлялись единственные на всю Володарку носилки: днем на них везли больных на процедуры, а ночью они же превращались в катафалк. Тело умершего в простыне выносили на тех же носилках и потом увозили в морг. Так система избавляется от тех, кого сама же довела до смерти.

Издевательская «помощь»: операции без реабилитации, отправка умирать в этапах

Цинизм ситуации в том, что тюремщики делали вид оказания медпомощи – для галочки. Но эта «помощь» зачастую лишь добавляла страданий. Например, случалось, что тяжелобольного все же вывозили в гражданскую больницу и оперировали, однако дальнейшее обращение с ним сводило на нет смысл операции. Независимо от тяжести хирургического вмешательства, хоть удаление части легкого или печени, хоть сложная ампутация – заключенного возвращали в СИЗО в тот же день!

Мужчина свидетельствует: конвой привозил прооперированного обратно всего через несколько часов, со швами и дренажами, и швырял его на те же грязные носилки, на которых вечерами возят покойников, – напрямик в антисанитарию камеры № 38.

Ни условий реанимации, ни покоя, ни стерильности.

«Осужденные, побывавшие «на воле» в операционных, потом рассказывали, как городские врачи хватались за голову, увидев, что пациента с еще не отошедшим наркозом и незажившим швом тут же увозят обратно в тюрьму».

Гражданские медики негодовали, просили оставить больного хотя бы на пару дней, но конвой лишь пожимал плечами.

Эти показания подтверждают: в володарской «больнице» жизнь заключенного не стоила ничего, и даже проведенные операции превращались в пытку без последующего ухода.

Врачи-садисты и издеательства вместо сострадания

Особенно пугает отношение медицинского персонала в тюрьме. Свидетель подчеркивает: тюремные медики – те же каратели в погонах. Многие из них презирают и ненавидят заключенных, позволяют себе насмешки и грубость.

«Складывается впечатление, что на службу в такую «больницу» специально берут людей черствых, а то и с садистскими наклонностями, которым нравится наблюдать чужие страдания. Где еще врач сможет безнаказанно издеваться над пациентом, ставить на нем эксперименты, творить произвол? Заключенный не может пожаловаться или подать в суд».

Мужчина прямо называет тюремную медицину «плантацией для садистов». И реальные эпизоды это подтверждают.

Пребывание в камере № 38 СИЗО-1 Минска ясно дало понять бывшему политзаключенному: на самом деле лечить осужденных никто не собирался.

Персонал делал минимум необходимого, чтобы в случае чего отчитаться «на бумаге», но человеческой жизни и страданий эти люди в белых халатах не ценили вовсе. Единственное, о чем они заботились, – чтобы муки заключенных не нарушали тюремный порядок. Даже морфий и обезболивающие, которые изредка давали умирающим, были скорее средством подавить крики боли, чем проявлением милосердия.

Мужчина полагает, что дело тут не в жалости, а в страхе администрации перед бунтом:

«Если бы страдающий человек начал громко кричать от боли, весь изолятор бы слышал, и в массах могло начаться возмущение. Тюрьма – режимный объект, и любой ценой надо сохранять внешнее спокойствие. Вот и успокаивали узников дозами седативных и анальгетиков, чтобы те умирали тихо».

Грязь и равнодушие

Отдельно нужно сказать об ужасающих условиях содержания тяжелых больных.

Антисанитария и унижение достоинства доводили мучения до предела. Больные лежали в собственных испражнениях, потому что за ними фактически никто не ухаживал. Формально в СИЗО положены санитарные работники из числа осужденных («баландеры»), но в палате № 38 прикрепленный санитар появлялся от силы раз в неделю – перед обходом начальства, для проформы.

Все остальное время уборка целиком ложилась на самих заключенных. Но кого можно заставить убирать, когда почти все – немощные или тяжело больные после «терапий»? В реальности, по словам свидетеля, в камере оставался от силы один-два человека, способных держать швабру, а то и ни одного.

«Поэтому камера быстро превращалась в вонь и грязь – обоссанные матрасы, испачканный пол».

Мужчина вспоминает, что заключенные старались поддерживать какой-никакой порядок сами, сколько было сил: «чтобы не жить в дерьме и моче». Он и сам, оказавшись относительно здоровым среди этой лежащей палаты, стал невольно санитаром: убирал отходы, вытирал мокрые пятна, приносил воду и еду лежащим, подавал утку тем, кто не мог дойти до туалета. Администрация фактически возложила на сокамерников всю заботу о умирающих, ничего не делая со своей стороны.

По сути, мужчину намеренно подсадили в эту камеру «хосписа», чтобы был хоть кто-то ходячий, кто присмотрит за остальными. Он сам пришел к такому выводу, а вскоре его косвенно подтвердили тюремщики.

Когда мужчину этапировали из СИЗО-1 в другую тюрьму, оперуполномоченный спросил его:

«Слушай, а с кем там [в 38-й] можно держать связь, кто там остался из вменяемых?».

Таким образом, он пытался найти, кому можно поручить наблюдать за палатой смертников. И ответ был такой:

«Лучше переведите туда кого-нибудь здорового, кто будет приглядывать, чтоб они все дружно не померли в один момент».

То, что пережил сам свидетель, находясь полгода в палате №38, можно назвать психологической пыткой. Он признается, что был на грани безумия:

«Каждый день – эмоциональные качели. Постоянно думаешь: не проще ли вскрыться или выть, чтобы тебя отсюда убрали... Это дурдом какой-то. К вечеру думаешь: Господи, что в этом мире творится?». События вокруг – череда кошмаров, с которыми психика человека не в силах совладать».

Он видел смерть ежедневно, спал и просыпался рядом с умирающими, с их стонами, запахами разложения, бредом... От этого можно сойти с ума, и мужчина был близок:

«В какой-то момент я подумал: да лучше бы уж огромный метеорит прилетел и снес все это гнилое человечество с лица земли. Если люди способны ТАКОЕ делать друг с другом, значит, произошла какая-то ошибка природы, и им не место на земле. Полная потеря веры в человечность – вот к чему это приводит».

Мужчина, прошедший через палату №38, говорит, что никогда еще не чувствовал такого ужаса и отвращения к людям. Свидетель признался, что там, в больничной камере-хосписе, где каждый день был похож на затянувшуюся сцену из фильма ужасов, руки опускались, жить не хотелось – тем более, глядя, как умирающие сокамерники сами просят смерти, молят о ней как об избавлении:

«Пройдя через такое, человек уже никогда не будет прежним. У меня пошатнулась психика, утратилось внимание, концентрация и вообще доверие ко всему человечеству. Важно подчеркнуть: страх и ужас исходили не от сокамерников, не от самих заключенных, среди которых были и матерые убийцы. Главной угрозой были тюремные власти».

«Все ужасы, которые творятся в колониях – дело рук ментов. Обычные уголовники зачастую проявляли больше участия и сострадания, чем люди в погонах. В камере № 38 вместе сидели бывшие рецидивисты, убийцы, но никто из них не тронул друг друга пальцем, никто не покусился на более слабого. Наоборот, по мере сил помогали чем могли: делились сигаретой, передавали «дорогой» (через окошко-связку) кусочек сахара или печенье умирающему, поддерживали разговором. Кодекс преступников не позволял им измываться над слабыми, в отличие от кодекса тюремщиков, которые как раз и строят карьеру на подавлении слабых».

Рассказ данного свидетеля обнажает всю глубину проблемы: беларуская пенитенциарная система сознательно превращает тюремную медицину в орудие убийства и пытки. Поразительно, но в сердце Европы в XXI веке существуют камеры смертников, где людей умерщвляют не электрическим стулом, а лишением помощи и варварскими условиями.

Случай володарской «больничной» камеры – не единичный. В колониях и СИЗО Беларуси тяжелые больные – будь то раковые, сердечники, диабетики – оказываются в экстремально уязвимом положении. Им почти невозможно добиться квалифицированной помощи: диагнозов не ставят, лекарства не выдают, специалистов не вызывают.

Эта эксклюзивная хроника из беларусской «камеры пыток» под вывеской медсанчасти шокирует. Но, на наш взгляд, данные свидетельства должны быть обнародованы, чтобы правда о пытках вышла наружу. Пока же палата № 38 остается немым укором всему цивилизованному обществу, допускающему подобное варварство.

Тюремный этап: пытки в системе исполнения наказаний

После суда пытки не прекращаются. Для политических заключенных исправительные учреждения становятся заключительной фазой репрессивного «конвейера». Сюда переводят тех, кто не сломался на допросах, не дал нужных признаний или продолжает отстаивать свои убеждения. В колониях и СИЗО репрессивная машина Лукашенко эволюционировала в особую систему, сочетающую инструменты советского ГУЛАГа, криминальные иерархии и административное давление.

(22)

«Желтая бирка» бывшего политзаключенного Павла Никитенко из колонии.
Источник: spring96.org

«Желтые бирки» и система стигматизации

Первый этап по прибытии в места «исправления» — маркировка. Политических Первый этап – маркировка. Политических заключенных выделяют в особую категорию – с желтыми бирками и с особой пометкой в личном деле. Это запускает неформальный механизм изоляции и преследования. Порой к политическим запрещено подходить и даже здороваться – за это других наказывают. Фактически система вводит сегрегацию.

Внутри этой конструкции действует еще одна, негласная, но жестокая иерархия. Администрация активно использует «активистов» – осужденных по уголовным статьям, которые сотрудничают с оперативниками. Их задача – давление на «непокорных». Это и есть «пресс-хата» – камера, куда подсаживают политзаключенного с одобрения

администрации и ставят перед выбором: признание, покорность или ежедневное унижение и насилие.

Среди осужденных распространено понятие «низкий статус». Администрация может целенаправленно «опустить» политзаключенного, то есть занизить его социальный статус до уровня изгоя. Это вызывает цепную реакцию: никто не имеет права к нему прикасаться, сидеть рядом, пользоваться общей посудой, ходить в один душ. Так человек оказывается в полной изоляции, отрезанный от человеческих связей. Это пытка не дубинкой, а одиночеством, стигмой и ежедневным унижением.

«Пресс-хата» как способ сломать личность

История политзаключенного Степана Латыпова – один из ярчайших примеров применения «пресс-хаты». Летом 2021 года, находясь в СИЗО, он рассказал суду, что его систематически подвергали давлению со стороны уголовников, действующих под надзором КГБ. Его шантажировали, угрожали, требовали признаний. В отчаянии он попытался покончить с собой прямо в зале суда, воткнув себе в горло шариковую ручку. Это был акт крайнего протеста, невозможность больше терпеть то, что с ним происходило.

Тех, кто не поддается, добивают другим способом: через «взыскания». Политическим создают образ «злостного нарушителя режима» – каждый шаг фиксируется как нарушение. Не так заправил постель, прошел в столовую без команды – и вот уже очередной рапорт. Несколько таких – и человека переводят в штрафной изолятор (ШИЗО), а затем и на «крытую» – тюремный режим, где условия еще более жестокие: 23,5 часа в сутки – в закрытой камере, прогулка – 30 минут, переписка ограничена, передачи запрещены.

Болезни как результат систематического истязания

В феврале 2024 года стало известно, что у политзаключенного Латыпова диагностировали цингу – болезнь XVIII века, вызванную острой нехваткой витамина С. Администрация игнорировала элементарные медицинские нормы: заключенный месяцами находился в ШИЗО, где запрещены посылки, и питался исключительно тюремной едой, лишенной витаминов. Ему даже не выдали аскорбинку – копейное средство, доступное в каждой медчасти.

Цинга – лишь один из симптомов. У политических фиксируются прогрессирующие гастриты, язвы, потеря слуха, разрушение зубов, хронические боли. Некоторым не выдают даже зубную щетку, считая ее «привилегией». У других отбирают очки при плохом зрении. Адвокаты сообщали о резком похудении, болях в спине, панических атаках, бессоннице. Все это – результат системного психологического и физического давления.

Изолировать, обесчеловечить, сломать

Информационный вакуум – отдельный метод пытки. Заключенным не выдают газеты, изымают письма, запрещают переписку. Это нарушает даже внутренние тюремные нормы, но делается сознательно: политический должен чувствовать, что его забыли, что он больше не существует для мира. В некоторых колониях практикуется полная изоляция от других заключенных: одиночные камеры, запрет на разговоры, даже запрет смотреть в окно.

Пример – перевод Степана Латыпова из колонии в Могилевскую тюрьму: два года строгого режима в закрытой камере. Там же у него и началась цинга. Простейшие

потребности – фрукты, зубная щетка, возможность выспаться – становятся недоступными. Все это превращается в пытку условиями содержания.

Режимные формы пыток

На разных этапах лишения свободы фиксируются повторяющиеся, системные формы пыток, которые можно классифицировать, и которые также имеют свои названия:

«Приемка» – ритуал унижения вновь прибывших. Человека заставляют проходить сквозь строй сотрудников, которые бьют его дубинками. На Окрестина применялась «карусель» – людей водили по кругу, избивая на каждом этапе. Некоторые за ночь проходили по 3-4 таких «цикла».

«Трудотерапия» – политических направляют на тяжелые и унижительные работы: уборку «параш», снега, льда, листьев – нередко в мороз и без учета состояния здоровья.

«Холодильник» – помещение в неотопливаемую камеру в холодное время года без матраса и теплой одежды.

«Подлечить» – сознательное помещение здорового заключенного в камеру с больными туберкулезом или ВИЧ с общей посудой. Это не только негуманно, но и угрожает здоровью.

Каждое из этих действий по отдельности может быть квалифицировано как жестокое, бесчеловечное и унижающее достоинство обращение. В совокупности – это целая система пыток, замаскированная под «внутренний режим».

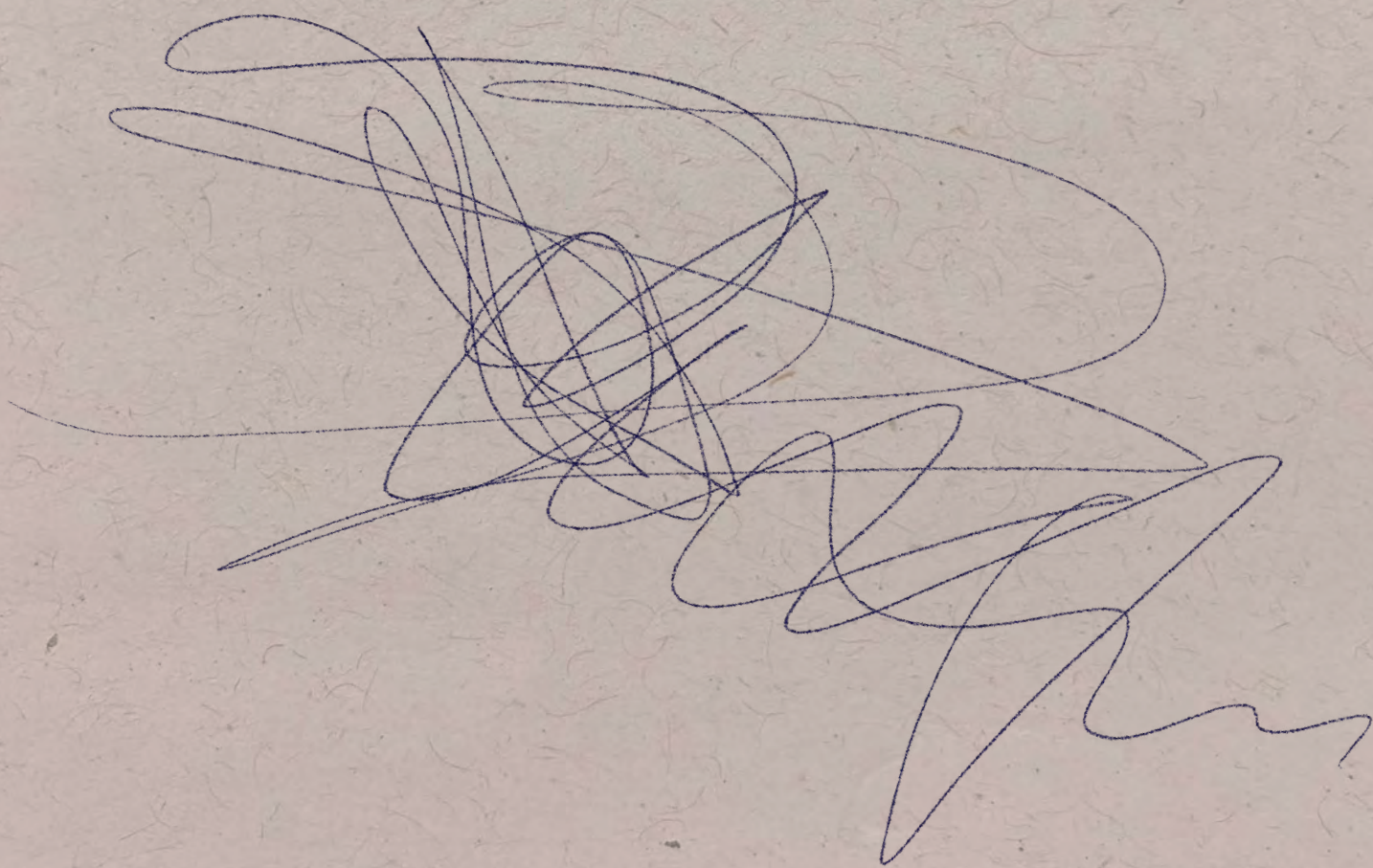
Смерть как последствие

Наиболее трагический случай – смерть политзаключенного Витольда Ашурка. Официально он умер от остановки сердца. На деле – политзаключенного, которого целенаправленно изолировали, унижали и били, не получил должной медицинской помощи. Его смерть – не исключение, а следствие системы, где каждое правило подстроено, чтобы сломать, подчинить и уничтожить личность.

Насилие против уязвимых групп

После 2020 года в Беларуси насилие охватило всех, независимо от пола, возраста, состояния здоровья или ориентации. Но уязвимые группы страдали особенно тяжело. Не потому что их били сильнее, а потому что система знала, куда именно бить, чтобы сделать больнее.

Женщины

До 2020 года многие белоруски верили: силовики не посмеют тронуть женщин. Но уже в августе стало ясно: пол не защитит. Женщин хватали, тащили за волосы, избивали, как и мужчин. По имеющимся данным, среди задержанных в августе 2020 года было около 15-20% женщин. Их били, но чаще применяли другие формы насилия – сексуализированные и психологические:

«Сейчас тебе, сука, матку вырвем».

«Шлюха!»

Многие не выдерживали такого. Слезы, истерики, панические атаки, обмороки – все это в ответ на бесчеловечное обращение:

«Сейчас успокоим – в карцер к мужикам сводим!»

31-летняя Мария (имя изменено) рассказала, что ее избивали дубинками в автозаке, после чего началось кровотечение и случился выкидыш. Медики подтвердили: вероятно, удар ногой в живот стал причиной потери ребенка. Девушка не подала заявление, потому боялась расправы. Но документы остались у волонтеров.

Подростки: травма в раннем возрасте

Под пытки попали и несовершеннолетние – в том числе дети 14-17 лет. Некоторые даже младше.

Задержанных избивали дубинками, не кормили, не давали обезболивающее, оформляли как взрослых, если не было документов.

- 16-летнего Данилу били по пяткам и ступням – это отдельный вид пытки. Потом он месяц не мог ходить;
- 15-летней Лизе сломали два пальца, когда она подняла руку для защиты. В ИВС ей не дали даже обезболивающего, палец сросся неправильно;
- 17-летний Павел скрыл свой возраст, потому что ему сказали:
«Если узнаем, что ты несовершеннолетний – будет только хуже».

У детей после ИВС развивались ПТСР, панические страхи, ночные кошмары, боязнь темноты. Родители отмечали:

«Это уже другой ребенок. Сломанный».

Пожилые: возраст не спасает

Когда в протесты включились пенсионеры, власти не растерялись.

К примеру, 13 октября 2020 года на марше пенсионеров задержали 50 пожилых людей. 70-летнюю женщину дернули за руку, она упала и сломала бедро. Власти заявили:

«Сама споткнулась».

Известные активисты, как Нина Багинская, подвергались давлению, но публично ее не били – боялись резонанса. Зато менее известных пенсионеров держали в тесных камерах, без лекарств и медицинского наблюдения.

Особый случай – политзаключенный политик Николай Статкевич. Несколько лет его

держали в полной изоляции, его жена не получала писем, было неизвестно, жив ли он. До ареста он перенес инсульт, ему были нужны врачи, но в помощи ему намеренно отказывали.

Люди с инвалидностью и хроническими болезнями

Этих людей пытали так же, как всех. Только их шансы выжить были ниже.

Парня с ДЦП на инвалидной коляске во время акции протеста силовики просто перевернули, а потом затащили в бус, продержали несколько часов и отпустили без извинений.

А вот что описывает Николай:

«На второй день мне не дали инсулин. Я начал терять сознание, пошла пена изо рта. Лишь тогда увезли в больницу».

Мужчина чудом выжил. Еще у одной женщины с биполярным расстройством случился приступ во время задержания. Лекарств ей не дали. 10 дней в ИВС для нее превратились в пытку. После была тяжелая депрессия и срывы.

ЛГБТК+: пытки за идентичность

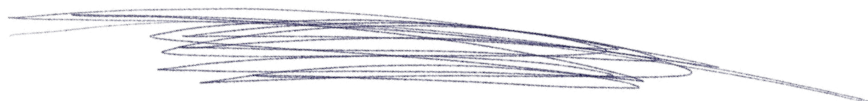
Один из самых травмированных пластов репрессированных белорусов – ЛГБТК+ люди. Документировать такие случаи сложно: люди боятся говорить, чтобы не получить повторную травму. Но нам известен случай, когда транс-женщину поместили в мужскую камеру, где поощряли издевки, а

парню-гею говорили:

«Сейчас устроим тебе. Ты же хочешь, тварь?».

И тянулись к ремню.

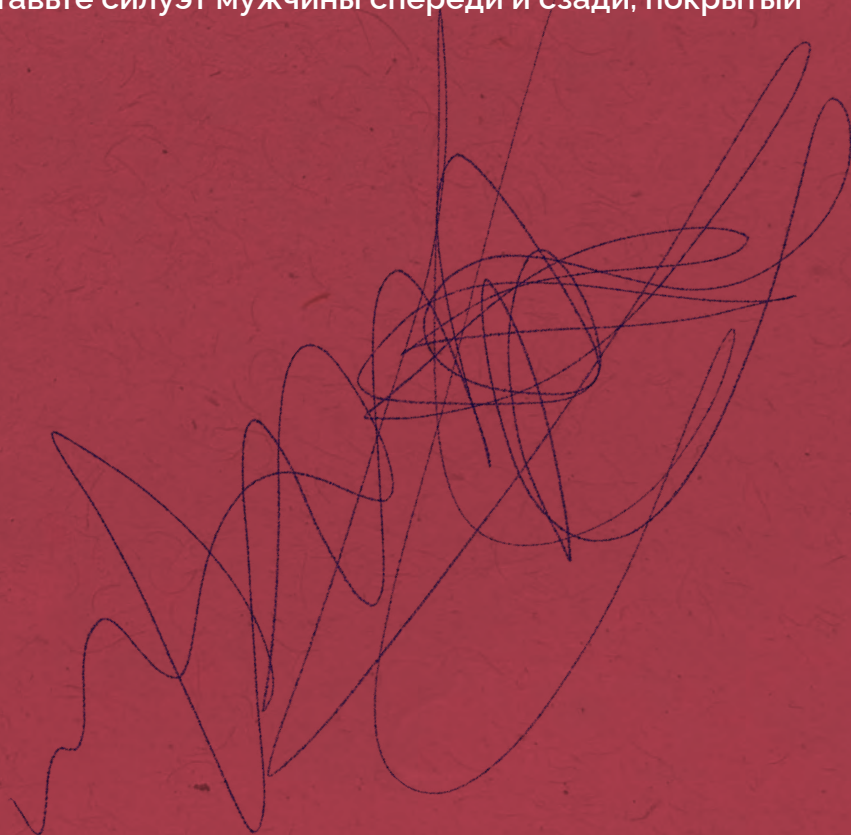
Правозащитники подчеркивают: ЛГБТК+ активисты страдали вдвойне. И как оппозиционеры, и как «не такие, как все».

Визуализация пытток: раны на теле и схемы издевательств

В этом разделе приводятся визуальные материалы: схемы тела с отметками травм, фотографии пострадавших и графики, основанные на собранных данных. Их цель – наглядно подтвердить и проиллюстрировать изложенные факты. Некоторые изображения могут шокировать, но они являются важными доказательствами.

Карта человеческого тела, израненного пытками. Один из способов документирования насилия – body map (карта тела), на которой отмечаются все травмы пострадавшего. На основе свидетельств и медицинских заключений нами составлена обобщенная «карта боли» задержанного по политическим мотивам белоруса. Представьте силуэт мужчины спереди и сзади, покрытый пометками:

Голова и лицо

Ссадины на лбу, разбитый нос (часто переломанный – десятки переломов носа задокументировано), синяки под глазами, выбитые зубы. Многие выходили с гематомами вокруг глаз («еноты»).

Область головы – сотрясения мозга, у некоторых трещины черепа.

На затылке – шишки от ударов дубинкой. Это результат того, что силовики били дубинками и прикладами по голове, несмотря на смертельную опасность таких ударов. Не случайно несколько протестующих лишились глаза от попадания резиновой пули или осколка светомушкетной гранаты (это во время разгона митингов), а минимум двое умерли от огнестрельного ранения (Тарайковский – пуля в грудь, Шутов – выстрел в голову).

Туловище

На груди – следы от пуль и осколков (многие имели ранения от резиновых пуль в грудную клетку – иногда с переломами ребер). В одном зафиксированном случае резиновая пуля пробила грудную стенку и повредила легкое.

На животе – синяки от ударов, у некоторых шрамы от порезов (были случаи, когда во время схватки на улице животы цепляли осколками гранат).

Спина – сплошное поле гематом у тех, кого долго били лежащими лицом вниз. Синяки располагаются поперек спины от ударов дубинкой, а также косые линии от ударов ремнем или проводом (некоторые сообщали о применении кабеля как бича).

Почки – область особого внимания карателей: у многих зафиксированы внутренние повреждения, хоть снаружи только синяки.

Позвоночник: как минимум в двух случаях силовики сломали людям позвонки (ударив по спине тяжелым предметом), что привело к инвалидности.

Электрические ожоги (маленькие круглые отметины) фиксировались на спине и боках – места прикладывания электрошокера.

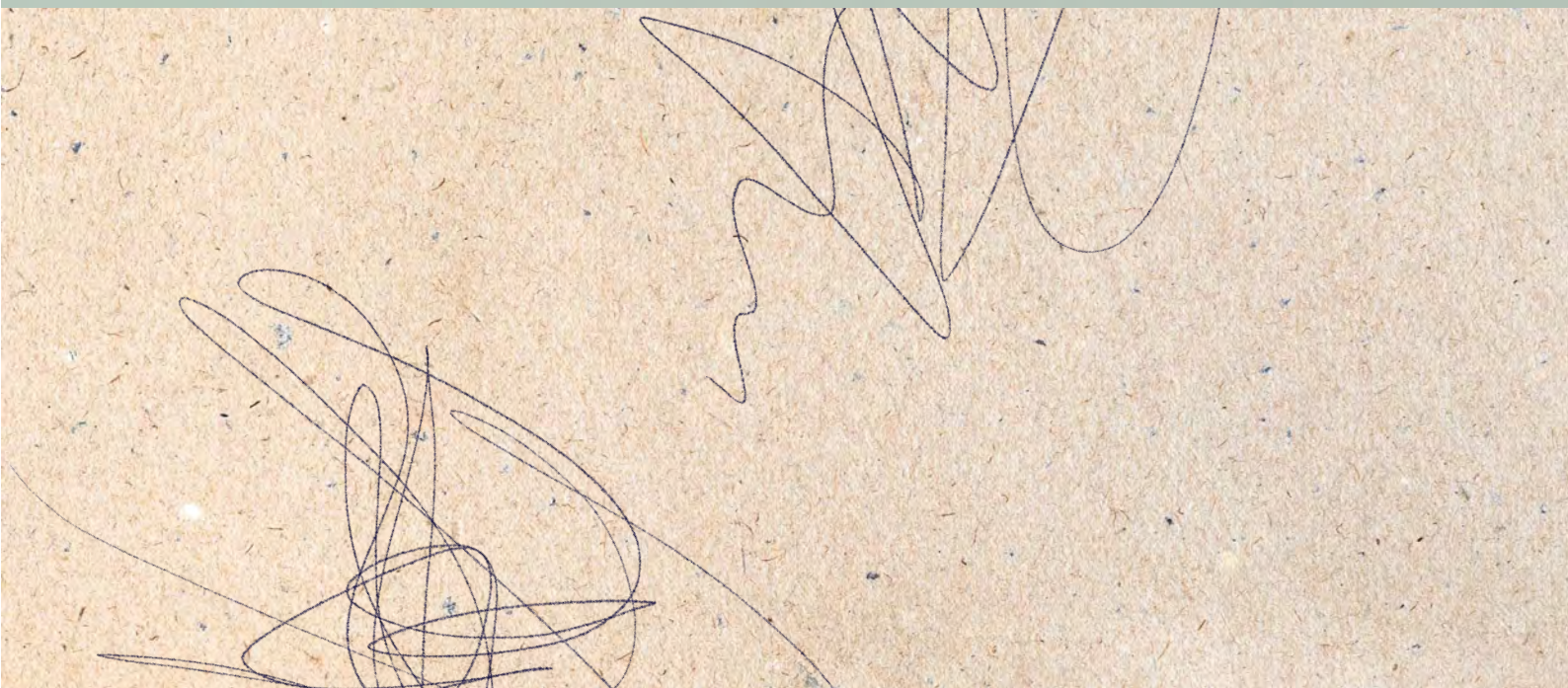

Руки

Запястья – следы от стяжек (глубокие борозды, у некоторых вплоть до нарушения кровообращения и онемения пальцев).

Пальцы – вывихи и переломы (например, при заламывании рук ломали пальцы).

Плечи – вывихи (многим буквально выкручивали руки). Есть данные, что, как минимум, 20 человек получили переломы рук разной локализации.

Низ живота и пах

У мужчин – синяки на паху, иногда травмы яичек (некоторых били или пинали между ног).

У женщин – возможны травмы гениталий (например, одна женщина сообщила медикам о кровоподтеках на наружных половых органах после избиений, что может свидетельствовать о пинках по паху).

Анальная область – отдельный трагический момент: по меньшей мере у 4 мужчин зафиксированы рваные раны ануса от насилия дубинкой.

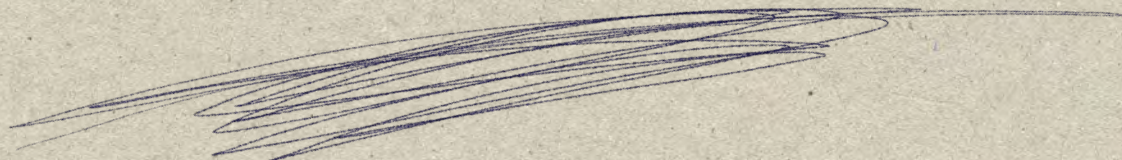

Ягодицы

Пожалуй, самая «пораженная» зона у абсолютного большинства мужчин и женщин. Сотни фотографий с черно-синими ягодицами облетели интернет. Били намеренно, возможно, полагая, что это меньше повредит органы. Однако удары по ягодицам (особенно верхней части) тоже причиняли серьезный вред – под кожей разрушались мышцы, гематомы начинали гноиться. Один медик описал нам такой случай:

«Привезли мужчину с абсцессом (нагноением) ягодицы – это осложнение от огромной гематомы. Пришлось разрезать и чистить».

На карте тела ягодицы отмечены как сплошная зона побоев. Именно оттуда пошло слово «отокрещины» – так в народе называли специфический узор из синяков, оставляемый ОМОНОм (от «Окрестина»).

Ноги

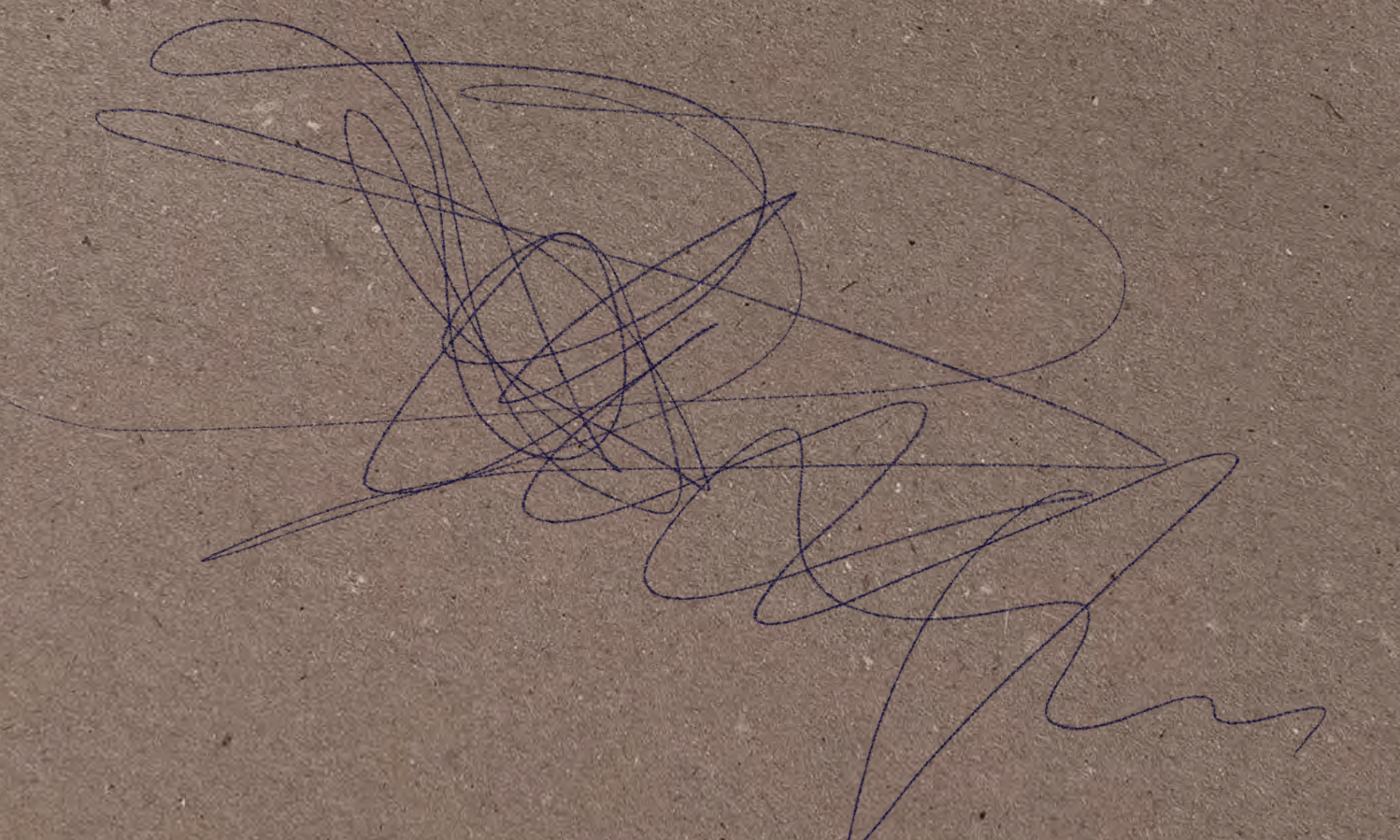
Бедра – тоже покрыты синяками. На внутренней стороне бедер у многих женщин были зафиксированы кровоподтеки (их толкали ногой, ставили колено между ног, причиняя боль). Колени у многих сбиты в кровь (от стояния на коленях на асфальте или бетоне часами).

Голени – отметины от дубинок, некоторые со шрамами (были случаи, когда дубинкой рассекали кожу до кости).

Ступни – отдельная тема: некоторых били по ступням (так называемая фалака). Об этом рассказали несколько человек. Это тяжкая пытка – на ступнях множество нервных окончаний, боль адская, а следов мало. Один из пострадавших потом едва ходил, но ни синяков, ни переломов врачи не нашли.

Эта картина подтверждается и медицинской статистикой: согласно информации, которая была обнародована в результате утечки данных СК, не менее 1 406 человек получили ранения во время протестов только в августе-сентябре 2020. Многие из них – тяжелые (черепно-мозговые травмы, огнестрельные ранения, комы). Разумеется, это лишь вершина айсберга: далеко не все пострадавшие обратились за медпомощью. Многие боялись идти в госбольницы и лечились подпольно, опасаясь преследований. Правозащитники полагают, что реальное число пострадавших от пыток беларусов – несколько тысяч.

Фотосвидетельства

В своем исследовании мы также вместе с медиками проанализировали фотографии. Самые громкие кадры, появившиеся в СМИ:

- Избитые мужчины, выходящие с Окрестина, показывают спины и зад – все в синяках и полосах. Эти фото опубликовали Reuters, AP и другие мировые агентства. Они стали **вещественным доказательством** пыток для всего мира. Ниже мы приводим одну из таких фотографий: на ней группа молодых людей, вышедших из тюрьмы, подняли рубахи – и видно, что их спины и ягодицы ярко-фиолетового цвета от бесчисленных ударов. Их лица усталые, но в глазах – смесь боли и облегчения, что они выжили.
- Фотографии травм женщин тоже имеются, хоть менее тиражируемые. В нашем распоряжении – фото плеча одной девушки: от шеи до плеча все черно-синее от ударов (ее избивали дубинкой сверху, когда она падала, закрывая голову). Другое фото – живот женщины со следами от электрошокера: две маленькие круглые ранки (видно, куда приложили контакты). Есть и снимок на котором женщина плачет, выходя из тюрьмы, а вокруг волонтеры и врачи оказывают помощь – эмоциональный кадр, показывающий страдание и сострадание одновременно.
- «Ковер из тел» – так описывали очевидцы сцену во дворе Окрестина: тела мужчин лежали в грязи вплотную, их столько, что не видно земли. Снимков именно этого нет (власти не подпускали камер внутрь), но есть **рисунки и реконструкции**. Мы изучили информацию, основанную на рассказах: план двора, где схематично нарисованы лежащие фигуры один к одному, а над ними ходят фигуры с дубинками. Эта схема дает представление, насколько массово и цинично все происходило: например, одновременно на полу двора могли лежать 100-150 избитых людей, ожидая когда их по одному заведут в здание. Пол был залит их потом, кровью и мочой – эту жуткую сцену мы тоже визуальнo отметили на схеме.

Визуализация важна: читая сухие числа или даже эмоциональные рассказы, трудно полностью представить масштаб бедствия. Но один взгляд на фото или схему – и сомнений не остается. Мы изучили 55 свидетельств пыток, и нашли поразительное однообразие травм: у 49 из 55 – обширные гематомы ягодиц и бедер, у 35 – раны на запястьях (от стяжек), у 12 – черепно-мозговые травмы, у 5 – повреждения ануса, у 8 – переломы конечностей. И это подтверждает, что у силовиков в Беларуси существует своя пыточная система.

Что остается после пыток

Когда физическая боль уходит, остается другая, более глубокая. В этом разделе речь пойдет о двух пластах последствий. О том, что происходит с телом, психикой и жизнью людей после перенесенных пыток. А также о том, как на это реагирует мир, и почему справедливость все еще где-то в будущем.

Физические и психические травмы

Многие, пережив пытки, остались с телами, которые напоминают о случившемся каждый день.

У кого-то после ударов дубинкой по коленям начался посттравматический артрит. Кто-то в 29 лет ходит с тростью и постоянными болями в пояснице, вероятно, из-за повреждения межпозвоночных дисков. Кто-то жалуется на постоянную одышку, головные боли и мигрени после сотрясений мозга. И таких людей тысячи.

Инвалидность, которую не признают

Люди теряли зрение от ударов в лицо или выстрелов резиновыми пулями.

Лишались слуха от световых гранат и ударов по ушам и голове.

«Мне ударили ладонью по уху — я теперь на него не слышу, минус 80 процентов».

Есть пострадавшие с эпилепсией после черепно-мозговых травм. Психиатры фиксируют и психосоматические параличи, треморы, нестабильные неврологические состояния. И все это – реальность выживших.

Половая и репродуктивная система

Мужчины после ударов по гениталиям сталкиваются с потенциальной импотенцией.

«С тех пор не могу нормально быть с девушкой».

У женщин наблюдается устойчивый сбой цикла, хронические боли внизу живота, гинекологические осложнения.

Синдром «старика»

Некоторые говорят: «После Окрестина – с меня будто 30 лет сняли». После пережитых событий у людей ослаб иммунитет, появились гастриты, гипертония, тики, бессонница.

Психологические последствия

Часто пострадавшие рассказывают о следующих своих состояниях:

«Закрываю глаза – слышу крики».

«Вижу камеры, просыпаюсь в поту».

«Стук двери – и я вжиматься в стены начинаю».

Все это очень похоже на симптомы ПТСР, официально подтвержденное у сотен «выживших». Их тело и мозг как будто все еще живут в СИЗО.

Некоторые пострадавшие после перенесенного до сих пор боятся даже зданий РОВД и людей в форме, некоторые даже меняют квартиры, чтобы держаться от подобных зданий и людей подальше.

Некоторые пострадавшие до сих пор не осмеливаются рассказать о том, что с ними произошло, близким. Тем более о насилии, особенно если оно было сексуализированным.

Эмоциональный коллапс перенесших пытки беларусов проявляются в таких состояниях как депрессия, тревожность, вспышки гнева, апатия, чувство вины. Особенно у женщин:

«Я виновата... я была слаба... я подвела».

Суицидальные попытки

По данным правозащитников, только в 2021 году после освобождения из мест изоляции двое человек покончили жизнь самоубийством. В эмиграции у людей, переживших репрессии в Беларуси, также были зафиксированы попытки свести счеты с жизнью. Психологи уверены: ***если не будет полноценной системы реабилитации, Беларусь получит десятки тысяч людей, годами живущих в состоянии внутренней катастрофы.***

Недоверие, отстраненность, распад семей

Некоторые люди, пережившие заключения и пытки, даже спустя годы вздрагивают от стука в дверь и никому не доверяют. Многие семьи уже распались – партнеры не смогли принять мужа или жену после возвращения из СИЗО и колоний – настолько сильные изменения с ними произошли.

Социальные и экономические последствия

Нередко за свою политическую позицию беларусы получают сначала травмы, а потом еще и крах всей своей прежней жизни в виде потери работы, разрушенных социальных и родственных связей, невозможности трудоустроиться и даже завести банковскую карту после освобождения (в Беларуси статус политзаключенного – это «волчий билет»), эмиграции без ресурсов, выдворения из страны, отсутствия поддержки, невозможности распоряжаться своим имуществом и ресурсами, а также необходимостью начинать жизнь с нуля.

Поиск справедливости

Что говорит закон? Беларусь подписала и ратифицировала Конвенцию ООН против пыток, а также Международный пакт о гражданских и политических правах.

Запрет на пытки – это императив международного права. Людей нельзя пытать ни при каких обстоятельствах, даже в «чрезвычайной ситуации».

Что касается законодательства Республики Беларусь, то согласно ст. 25 Конституции РБ запрещено жестокое, бесчеловечное и унижающее достоинство обращение. Ст. 128 УК РБ запрещает преступления против безопасности человечества, а ст. 394 УК – пытка должностным лицом.

Но на практике ни одного возбужденного дела за пытки и жестокое обращение белорусов со стороны представителей режима в период с августа 2020 года по декабрь 2025 года не было зафиксировано. При этом поданы сотни жалоб. Ответ один:

«Факты не подтвердились».

Надежда – призрачная, но есть

Существует принцип универсальной юрисдикции, согласно которой за тяжкие преступления можно судить в других странах, независимо от того, где они совершены. И начало уже положено. В частности, в Литве, Польше и Германии, где уже собраны и проанализированы свидетельства десятков пострадавших.

Существуют также организации и механизмы, которые отстаивают интересы и права белорусов, переживших пытки:

Беларусские правозащитники в изгнании также продолжают собирать досье на каждого карателя. Они документируют, классифицируют, называют имена причастных к репрессиям и пыткам, чтобы в дальнейшем виновные понесли наказания.

Заключение

Данное исследование подтверждает: фактически у белорусских силовиков существует и функционирует целая система по слому личности нелояльного к режиму белоруса. И ее можно разделить на несколько этапов:

Первый – физический слом: изоляция и пытки, чтобы уничтожить сопротивление тела.

Второй – психологическая трансформация: длительное давление, когда человека заставляют сомневаться в себе, своих убеждениях, чувствовать бессилие и стыд.

Третий – «реконструкция» личности: когда после полного подавления пострадавшему могут дать ложную надежду (например, обещают освобождение за сотрудничество), как бы позволяя выстроить новое послушное «я», но при малейшей непокорности эту надежду отбирают, возвращая к истязаниям.

В белорусском контексте правозащитники говорят и еще об одном этапе – «взломе личности», который начинается еще до заключения: посредством тотальной пропаганды, устрашения в обществе и точечных репрессий режим старается сломить волю к сопротивлению у каждого потенциального оппонента еще на свободе.

Таким образом, пытка в Беларуси являются всеобъемлющими.

Почему пытки важно расследовать сейчас? Потому что прямо сейчас в белорусских тюрьмах остаются сотни политических заключенных. И есть вероятность, что многие из них подвергаются пыткам и жестокому обращению.

Список дополнительных источников информации:

- Human Rights Watch, отчет «Беларусь: Систематические избиения и пытки задержанных демонстрантов» (15 сентября 2020): hrw.org/hrw.org.
- Amnesty International, пресс-релиз «Президентские выборы в Беларуси проводятся в обстановке тотального страха и репрессий» (24 января 2025): eurasia.amnesty.org/eurasia.amnesty.org.
- DW (Deutsche Welle), статья «Как в Беларуси рядовые осужденные давят на политзаключенных» (22.08.2023) – о пресс-хатах, давлении уголовников по поручению администрации»: dw.com/dw.com.
- DW, статья «Как в РБ записывают покаянные видео с оппозиционерами» (07.07.2022) – свидетельства участников покаянных видео о принуждении»: dw.com/dw.com.
- «Настоящее Время» (Current Time), репортаж «Сознательные, широкомасштабные и систематические: как выводы международного расследования пыток в Беларуси могут помочь пострадавшим». (16.12.2021): currenttime.tv/currenttime.tv.
- Валерия Новодворская, рецензия «Умеете ли вы пытать?» на книгу Р. Ронина «Своя разведка» (1998): https://krotov.info/library/14_n/ov/ovodvorskaya_0611.htm
- Charter97 / Белорусские новости, статья Алеся Михалевича «Технологии пыток» (15.05.2012) – о методичке КГБ по пыткам charter97.org.
- Википедия, статья «Принудительные покаянные видео в Беларуси» – историческая справка о явлении, факты о содержании и нарушении норм: ru.wikipedia.org/ru.wikipedia.org.
- DW, статья «Как во времена ГУЛАГа. У белорусского политзаключенного – цинга» (26.02.2024) – случай Степана Латыпова и комментарии эксперта о питании в тюрьмах»: dw.com/dw.com.
- Human Rights Watch, пресс-релиз «Belarus: Expert Report Calls for International Inquiry into Torture» (6 Nov 2020) – итоги доклада ОБСЕ по Московскому механизму: hrw.org/hrw.org.
- Zerkalo.io, новость «Силовики начали задерживать белорусов за комментарии... и публиковать покаянные видео» от 23.04.2025: <https://news.zerkalo.io/life/97602.html>
- Доклад Управления ООН по правам человека (2023): www.ohchr.org/en/press-releases/2023/03/belarus-must-end-systematic-repression-release-detainees-un-human-rights
- «Крики были такие, как будто людей жгли». Опубликованы результаты расследования пыток в ЦИП на Окрестина в Минске в августе 2020-го». Источник: «Настоящее время»: <https://www.currenttime.tv/a/opublikovany-rezultaty-rassledovaniya-pytok-v-tsip-na-okrestina-v-minske/32326867.html>
- Видео свидетельства пострадавших об избиениях и пытках на Окрестина: <https://nv.ua/world/countries/zaderzhannye-v-hode-protestov-v-belarusi-rasskazali-ob-izdevatelstvah-v-sizo-foto-video-50106206.html>

- «Одного из протестующих силовики изнасиловали дубинкой». Правозащитница HRW – о пытках в Беларуси». Источник: «Настоящее время»: <https://www.currenttime.tv/a/belarus-rally-tortures/30811489.html>
- Результаты исследования Human Rights Watch «Беларусь: Систематические избиения и пытки задержанных демонстрантов. Необходимы расследования со стороны ОБСЕ и Совета по правам человека ООН»: www.hrw.org/ru/news/2020/09/14/376373

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
КОМИТЕТ

ПО РАССЛЕДОВАНИЮ
ПЫТОК В БЕЛАРУСИ

2025